

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

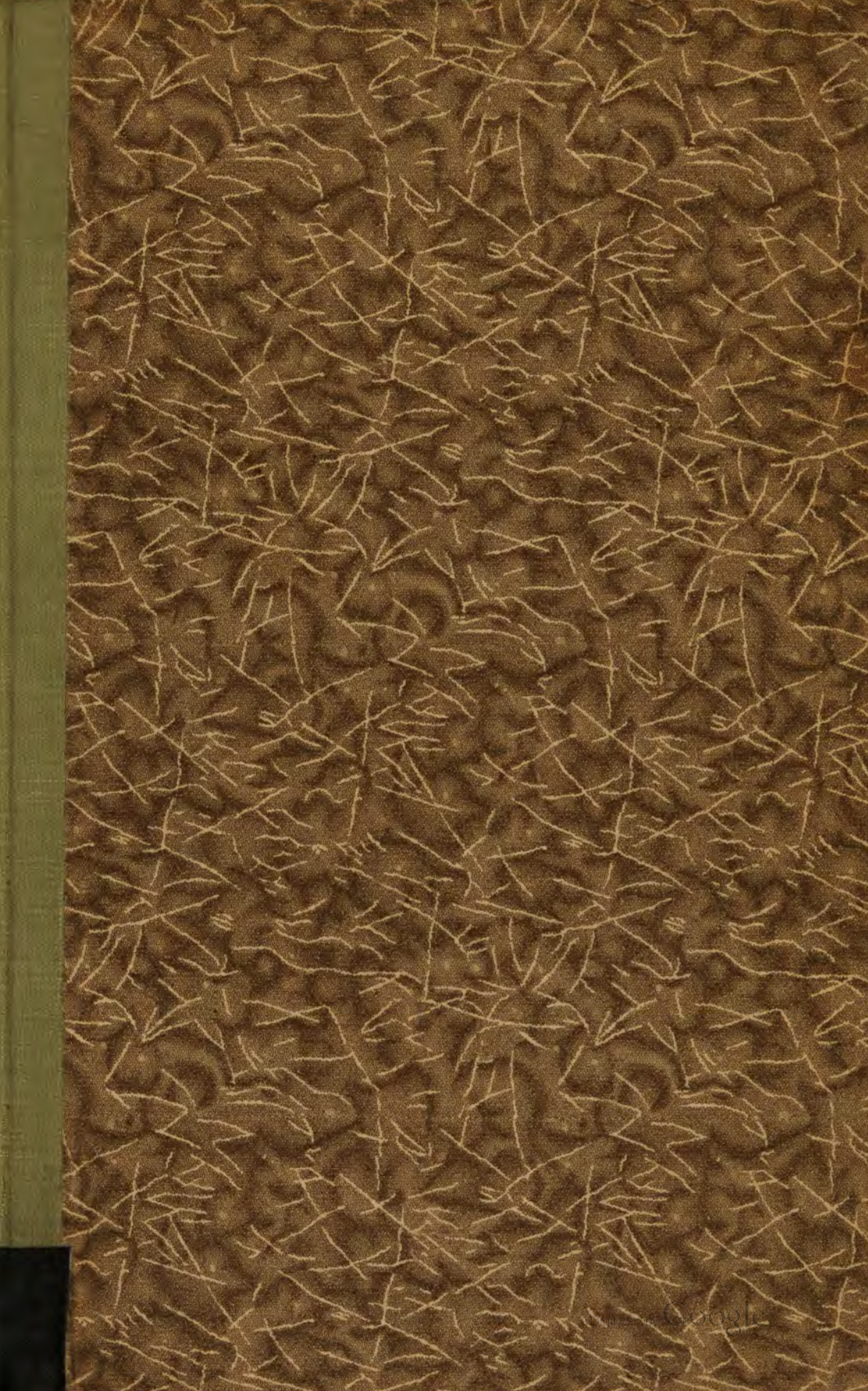
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

301 f. 30

TXR 18393

~~18393~~ 21 1844

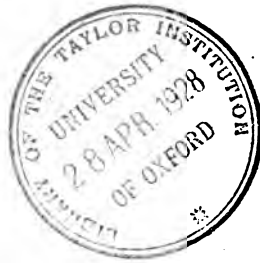
303258011N

О СЕРБСКИХ
НАРОДНЫХ ПѢСНЯХ
КОСОВСКАГО ЦИКЛА.

М. ХАЛАНСКАГО.

Отдѣльный оттиск из „Русскаго Филологическаго Вѣстника“.

ВАРШАВА.
В типографіи М. Земкевича и В. Полковскаго.
Краковское-Предмѣстье, N 415 (15).
—
1883.

Дозволено Цензурою.

Варшава, 21 Января 1883 г.

О СЕРБСКИХ НАРОДНЫХ ПѢСНЯХ

Косовскаго поля.

...„Эпическій образ Косовскаго побоища есть живое сокровище Сербскаго народа, один из существенных фактов его духовной и нравственной жизни“. Гильферд. Сочин. III, 168.

I.

Уйте, иже Сръпскыя земле стоупае! пришлиц' ли еси или соуцы ту, кто еси и что, снегъ прїидъши на поле сїе, еже глїетсе Кюсово, по вѣсьму оузры^{III} пално костїи мрътвых¹⁾. Много тяжелых воспоминанїй соединяется у Сербов с именем Косова-поля; недаром в пѣснѣ говорится:

Кок јунака оставио

На злу месту у Косову

(Карадж. I, 453—4).

„И сколько раз, говорит Гильфердинг, лилась здѣсь кровь! она лилась в 1073 г., когда Косово-поле причинялось еще к землѣ Болгарской и когда Сербы одержали под Приштиною великую побѣду над Греками и их болгарскими союзниками; около 1170 г., когда основатель сербскаго единодержавїя, Неманя, отстоял в битвѣ на Ситницѣ, под Звечаном, это единодержавїе против своих братьев и помогавших им Греков и наемных Франков и Турок; в 1389 г., когда Сербское царство пало на Косовѣ; в 1403 году, когда Стефан, сын павшаго на Косовѣ князя Лазаря, почти на том же мѣстѣ, гдѣ погиб его отец (близ Грачаницы), одержал великую побѣду над Султаном Мусою,

¹⁾ „Сїе рѣчи писаны быше на стълпу мраморѣну на Косову“. Гильферд. Сочин. III, 193.

внуком того Мурата, котораго послѣдним, предсмертным приказаніемъ было — обезглавить отца Стефана; в 1448 г., когда три дня (17, 18, 19 октябр.) герой Гуниад бился на Ситницаѣ с 50 т. против 150 т. Турок и потерпѣлъ страшное поражение; в 1689 г., когда Австрійскій полководец Пикколомини был разбит Турками на Косовомъ полѣ и наконец в 1831 г., когда тут же войско Султана Махмуда разбило ополченіе Босняков, возставшихъ подъ знаменемъ Гуссейна капетана Градашевича за янычарство и мусульманскую старину. Но всѣхъ позднѣйшихъ сраженій... Сербскій народъ не знаетъ и только одно ему памятно: великій бой „на Видовъ дан“ 15 іюня 1389 г.“¹⁾ Самъ по себѣ Косовскій бой 89 г., безъ отношенія къ личностямъ, павшимъ в немъ, не выходилъ изъ ряду вонъ. И прежде и послѣ него, даже на томъ же самомъ мѣстѣ, какъ видно изъ представленнаго перечня, были битвы, неуступавшія ему въ размѣрахъ. Такъ вѣроятно смотрѣли на него и современники, неоставившіе намъ подробнаго описанія его. Въ древнихъ лѣтописныхъ замѣткахъ о Косовской битвѣ встрѣчаются такія напр. извѣстія: въ лѣто 6897 (1389) погыбѣ князь Лазарь на Косову. 15. видовъ днь, царствова же лѣтъ 17. или: бысть сньитие и бои на Косову; ту погыбѣ царь Мурать и кнезь Лазарь, отъ него же блаженный коньць пріеть. Несомнѣнно, в 1389 г. былъ нанесенъ сильный ударъ сербской самостоятельности, но неокончательный. Силы Сербіи еще не были совершенно сломлены. Сынъ Лазаря Стефанъ отбилъ Туркамъ поражение и смерть отца, разбивъ ихъ на Косовомъ в 1403 г. Въ біографіи Стефана Лазаревича такъ говорится объ этой битвѣ: (Стефанъ) пришелъ убо на Косово и увѣдѣвъ *многихъ суще*, раздѣляетъ сущая съ нимъ въ два полка... Бяше же пришло и отъ матере его *тѣмнѣйшее воинство*, обрѣтшеся вскорѣ матернимъ поспѣшеніемъ; и убо *множайшая воя* вѣдаетъ брату Вльку, самъ же малѣйшую часть съ собою вземъ, идетъ на брань, и Исмаилитскому воинству вдале сущемъ, въ два плѣка и тѣмъ раздѣлившимся. Въско-

¹⁾ Гильферд. III, стр. 161—2.

дять же самъ яко на предѣль нѣкій, Градъчаничьскій глаголемый, идѣ же ся преды заступившихъ того обрѣтаеть, на них же зѣло мужественно ополчися, елико того узрѣвшимъ тѣмъ, другъ к другу воскликнути: „възрите, възрите Лазарева сына!“ И абіе со словом бѣгу ся яша. Сей же окровавляше десницу свою въ мѣсти крови врагъ своихъ“ ¹⁾. Стефан Лазаревич пользовался самостоятельностью; имѣл верх над Турками и Юрій Бранкович. И только послѣ дѣйствительно роковой, трехдневной битвы с Турками на Косовом Яна Гуніяди в 1448 г. участь Сербіи была окончательно рѣшена, — т. е. почти через 60 лѣтъ послѣ Косовскаго боя 89 г. Несомнѣнно, эпическій образ Косовскаго побоища создан под вліяніем воспоминаній о нѣскольких дѣйствительных битвах на Косовом; отнесеніе же его к 1389 г. и соединеніе с именем Лазаря нужно объяснить главным образом нравственными мотивами. Сербы хорошо помнят, что „на Косову обадва цара погинула“. Из них Лазарь до битвы пользовался популярностью за свои нравственныя качества; Косовскій бой еще болѣе возвысил его в глазах народа, как героя, страдальца за вѣру и народное дѣло. Жена деспота Углѣши вышила золотом слѣдующее между прочим на покровѣ гробницы Лазаря: „въ красныхъ мира сего воспиталь се еси отъ юности своее, о нови мучениче, кнеже Лазаре, и крѣпка рука господна въ всѣхъ господахъ земляныхъ крѣпка и славна показа те! Господствоваль еси и землею отъчѣствіа си, и въ всехъ благыхъ възвеселил еси вѣроученіе ти христіани и мужьствнимъ срдцемъ и желаніемъ благочестіа изышль еси на зміа и сьпостата божьствьныхъ цркъвь, расоудив нестрѣпимо бити срдцу твоему, зрети христіани отъчѣствіа ти обладаемимъ бити Измаилтени, аще ли сего неполучиши, обагрити се крѣвію своею и сьвькоупити се съ вои небесага цара; тѣмъ же и двѣ желаеме получил еси, и зміа убиль еси и моученія вѣнцьъ восприель еси отъ Бога“ ²⁾.

¹⁾ Гильферд. III, 161.

²⁾ Ib. 196.

Неизвѣстный автор эпитафіи обращенной к Косову полю так говорит: zde (на Косовом) некогда велькы самодръжьць, чюдо земельное и рыга сръпскы, иже нарицаемы Лазарь кнезь великыи, благочъстїю непоколѣбимы стльпъ, благоразоумїю поучина и мудрости гльбина, огній оумь, страннымъ прѣдстатель, питатель альчующим и нищим помилованїе, скръбым милованїе и оутешитель, иже вса любей, елика Христось хошет . . . съ вѣсьми своими . . . на врагы устръмишесе ¹⁾).

Убіенїе Милошем Мурата — подвиг поистинѣ юнацкїй непремѣнно должен был сдѣлаться достоянїем эпоса. Трагическая судьба других лиц причастных событїю давала множество прекрасных сюжетов для творческой дѣятельности народа.

Ни Стефан Лазаревич ни еще болѣе Юрїй Бранкович, не пользовались такою популярностью и славой, как Лазарь; положенїе Сербїи под их главенством было незавидно: внутри беспокоили междоусобїя, извнѣ тѣснили Турки; вскорѣ послѣдовало и окончательное паденїе. Естественно, вѣсь эти невзгоды обращали мысли и вниманїе народа назад, к прошлому времени славы и могущества, представителем котораго являлся страдалец Лазарь. С жизнїю Лазаря он соединил свою славу и могущество, с смертью его — свою смерть как политическаго цѣлаго.

Срдит Марко језди нїз Косово
Рони сузе нїз бїјело лице
А кроз сузе гневно проговора:
„Ој, давори, ти Косово равно!
„Шта си данас дочекало тужно
„После нашег кнеза честитога
„Да Арапи сад по теби суде!“

Вук II, N 69, 108—114.

Конечно, — послѣ Лазаря. Много этому способствовало и то, что Сербскїе правители послѣ Лазаря постепенно подвигаются к сѣверу, покидают Старю Сербїю — ядро древняго

¹⁾ Гильферд. III, 193.

Сербскаго государства, население которой было главным творцом эпических произведений Сербов. Косовскій бой являлся для жителей Старой Сербіи завершеіем блестящаго періода самостоятельной жизни и началом невзгод, безславія и униженія. На него и обратил свое вниманіе народ, на изображеніи его деталей и сосредоточили свои силы пѣвцы — хранители преданій старины. Так возник прекрасный круг косовских пѣсен, — часть другого, извѣстнаго у сербских пѣвцов под именем „Лазарицы“.

II.

Косовскія пѣсни содержаніем своим обнимают различные моменты косовскаго событія, так что соединив их и расположив в хронологической послѣдовательности, можно составить цѣлую эпопею. Попытки такого составленія косовских пѣсен были. На русск. яз. это было сдѣлано г. Безсоновым в „Рус. Бесѣдѣ“ за 1857 г. ¹⁾; на сербском — г. Новаковичем и недавно г. Павичем в сочиненіи „Narodne pjesme o boju na Kosovu“. Zagreb. От предыдущих эта отличается тенденціей. Г. Павич выходит из предположенія, что первоначально существовала только одна косовская пѣсня, сложившаяся послѣ самаго боя и воспѣвавшая в общих чертах событіе; потом эта пѣсня распалась. Всѣ извѣстныя до сих пор косовскія пѣсни поэтому суть только отрывки, эпизоды, *tembra disiecta* одной пѣсни (стр. 3). Мнѣніе это прекрасно разобрано г. Новаковичем в сочиненіи „Српске народne pjesme o boju na Kosovu“, Беогр. 1878. В этом трудѣ уважаемый автор постарался доказать полную самостоятельность отдѣльных косовских пѣсен. Мы рассмотрим мнѣніе г. Павича с болѣе общей точки зрѣнія, надѣясь, что послѣдующее разсмотрѣніе каждой из пѣсен

¹⁾ В прошлом году вышла в Варшавѣ брошюра: *Косово поле*. Сербская былина, перевел с сербскаго И. Соневицкій. Но это — не перевод, а скорѣе вольная передѣлка сюжетов косовских пѣсен.

в частности яснѣе опредѣлит самостоятельность развиваемых ими мотивов. Г. Павич, исходя из предположенія о существованіи первоначально одной косовской пѣсни, старается возстановить ее на основаніи существующих в настоящее время пѣсен. Основное свое положеніе он оставляет недоказанным, так что мы были бы в правѣ противопоставить ему другую гипотезу, необставляя ее никакими аргументами. Но г. Павич непровел послѣдовательно в сочиненіи своей мысли. Признавая всѣ пѣсни Вукова сборника эпизодами первоначальной единой косовской, о пѣснѣ „смерт мајке Југовића“ (Вук, II, 48) замѣчает, что она составлена совершенно самостоятельно (стр. 55); здѣсь же сомнѣвается в том, составляла ли эпизод пѣсня „косовка джевојка“ (Вук, II, 51). Овим се тврђенем признаје принцип, да су поводом косовског догађаја певале самосталне пјесме о разним моментима тога догађаја, а тај је принцип потпуно противан тому, којег се држи писац (Новаков., стр. 129). Едва ли можно согласиться с тѣм, что говорит Павич на стр. 9: „*ovakova (сложившаяся послѣ боя) kosovka pjesma može biti da ne bijaše samo jedna, mogle su u isti vrijeme, makar i u isti dan u različitim krajevih postati mnoge takove pjesme, ali one između sebe bijaše samo neznatno različite, a glavna slika cijeloga događaja mora da u svakoj bijaše jednaka*“. Самое повергнутое наблюденіе над дѣйствительной жизнью убѣждает в противном. Если о мелочных событіях обыденной жизни можно слышать самые разнорѣчивые и разнообразныя рассказы, то что же о событіях первостепенной важности? Ниже мы покажем, что и первоначальная родина косовских пѣсен ограничивалась сравнительно небольшимъ пространством.

Составленная г. Павичем пѣсня имѣет 1853 стиха. Сомнительно, чтобы такая длинная пѣсня могла жить и пѣться у народа. Народная пѣсня существует для устной передачи; длинная пѣсня должна утомлять и пѣвца и слушателя.

„Длинные пѣсни рѣдко бывают хороши; всегда лучше

кончатъ во время, нежели быть прерваннымъ в серединѣ пѣсни“, говорит финскій герой Лемминкайнен ¹⁾ и совершенно справедливо. Народная пѣсня избѣгаетъ эпизодов. С такимъ истиннаго художника народъ всякій фактъ — будь это событіе или эпизод — представляетъ такъ, что онъ является самостоятельнымъ, выдѣляющимся изъ другихъ, хотя и стоящимъ в связи съ другими. На этомъ основывается понятіе вообще о циклахъ эпическихъ. Развѣ о нашемъ Ильѣ Муромцѣ, походѣ Грековъ подъ Троею и пр. существовали первоначально большія пѣсни, *потомъ* распавшіяся?! Правда, г. Павичъ различаетъ „когда говорится о человѣкѣ-богатырѣ, дѣйствовавшемъ цѣлый человѣческій вѣкъ и когда говорится об одномъ событіи, обнимающемъ нѣсколько дней“ (стр. 54). Но это различіе неимѣетъ особеннаго значенія: иногда одно событіе, происшедшее хотя бы в нѣсколько дней, влечетъ за собою гораздо важнѣйшія послѣдствія, чѣмъ вѣковая дѣятельность единичнаго человѣка. Да вѣдь *событіе* есть только заключеніе, завершеніе процесса, продолжавшагося иногда очень долго.

Возможность такой длинной пѣсни г. Павичъ основываетъ на томъ, что существуетъ пѣсня о женидбѣ Максима Црноевича (Вук, II, N 89) изъ 1226 стиховъ (стр. 55). Но эта пѣсня — единственная по величинѣ изъ всего Вукова сборника. Особенности ея в значительной степени обусловливаются свойствами пѣвца, старика Милии изъ Колашина, весьма даровитаго, от котораго Вукъ записалъ ее. В вариантѣ этой пѣсни, записанной Милутиновичемъ отъ Живалы Марковича со Кчева изъ Велестова, находится лишь 87 стиховъ ²⁾. В сборникѣ сербскихъ народныхъ пѣсней изъ Босны и Герцеговины Петрановича помѣщена большая пѣсня в 1607 стиховъ о Косовской битвѣ; г. Павичъ о ней не упоминаетъ в своемъ сочиненіи, но она не можетъ служить для него точкой опоры. Петрановичъ записалъ ее отъ Иліи Дивяновича, че-

¹⁾ Калевала перев. Гранстрем, стр. 61.

²⁾ Милутинов. Пѣванія Црногорска и Херцеговачка, N 70, стр. 119.

ловѣка грамотнаго и даровитаго, который легко облакал какой угодно сюжет в поэтическую форму ¹⁾. Ягич утверждает, что пѣсня Или Дивяновича новаго склада, дѣло личное и составлена неумѣло; с ним согласен и Новакович (стр. 151).

Допустим, что первоначально была одна косовская пѣсня. Можем ли мы сказать о ней что либо определенное? Пѣсня — стихія живучая, подвижная; движеніе это обусловливается свободною дѣятельностію творческих сил чело-вѣка. Поэтому относительно состава пѣсни мы не можем заключать от настоящаго к прошедшему; а г. Павич даже утверждает, что косовскія пѣсни остались в продолженіи пяти вѣков неизмѣнными и стоит только их подтасовать, как получим опаку рјести, која рјеваѣ сјјели вој (стр. 55). Имѣя под руками нѣсколько вариантов одной пѣсни весьма легко впасть в ошибку, признав новый вариант за болѣе древній. Это и случилось с г. Павичем: он счел Юкичев вариант пѣсни о матери Юговичей древнѣе Вукова и помѣстил его в своей „цѣлинѣ“; между тѣм как раз наоборот он гораздо новѣе послѣдняго, как мы это покажем. Мы считаем болѣе основательным утверждать, что косовскія пѣсни возникли самостоятельно, независимо одна от другой, что каждая из них — есть цѣлое, а не оторвавшаяся часть, и развивает самостоятельный мотив.

III.

На основаніи общепринятой истины, что пѣсня сла-гается по горячим слѣдам событія, слѣдует признать 1389 год исходной точкой созиданія пѣсен Косовскаго цикла. О существованіи Косовских пѣсен первый упоминает Курпичич. В описаніи своего путешествія в Царь-град в 1531 г. он между прочим говорит: „о Кобиловичѣ до настоящаго времени много поют пѣсен в Краоци“. Это свидѣтельство, говорит Ягич, вдвойнѣ интересно: „из него видно, что в началѣ 16 в. сюжеты пѣсен о Косовской катастрофѣ перешли тѣсныя сербскія границы, ибо о Кобило-

¹⁾ Новакович, Нар. п. о б. на Кос., 150.

вичѣ много пѣлось в Кроаціи“¹⁾. В исторических повѣствованіях о Косовской битвѣ, относящихся к XV в., встрѣчаются ясныя указанія на существованіе в этом вѣкѣ цикла Косовских пѣсен. Сюда принадлежат: повѣствованіе о Косовской битвѣ, писанное Сербином, Константином Константиновичем и извѣстное в польском переводѣ под названіем „Pamiętki Janicza Polaka“²⁾; рассказы о том же событіи Дубровничанина Пријевича и переводчика исторіи Михайла Дуки. В сравненіи с болѣе поздними рассказами о том же — Мавро-Орбини, конца XVI в. и Трношскаго лѣтописца начала XVIII,—эти неполны. Новакович объясняет это тѣм, что в XVI в. косовскія пѣсни еще несоевѣм сложились; нѣкоторые сюжеты, как напр. о ссорѣ Милоша с Вуком из-за-жен, явились позже (стр. 145). Нам кажется, что из неполноты рассказов о Косовской битвѣ Яничара Поляка, Пријевича и др. еще ничего нельзя заключать о составѣ прежних косовских пѣсен. У них могли быть свои мотивы, по которым однѣ пѣсни и преданія они сообщали, а о других умалчивали.

О нѣкоторых пѣснях можно утвердительно сказать, что онѣ были уже в XV вѣкѣ; в таких весьма замѣтно отразился характер Сербской исторіи XV в. В первой половинѣ XV вѣка Сербія, правда, сохраняла самостоятельность, но над ея головой уже тяготѣла турецкая гроза; по временам она давала себя чувствовать Сербам. Естественны в это время ожиданія „последняго времени“; не в одной Сербіи, но и в Византіи тогда чаяли пришествія антихриста. Ожиданія эти прекрасно выражены в пѣснѣ „Зидане Раванице“ (Вук II, 35, 36). Раваница построена была еще до Косовской битвы, в 1376 г., но пѣсня или составлена послѣ битвы или вновь передѣлана. Вліяніем совершившихся событій всѣ факты дѣятельности Лазаря получили особое освѣщеніе и построенію Раваницы было

¹⁾ Славянск. Ежегодн. 1878 г., стр. 239.

²⁾ Григорович. О Сербіи в ея отнош. к сосѣдн. держав., стр. 45.

придано важное значеніе. Прежде всего, церковь эта не такова, как другія: когда Лазарь, по окончаніи работ, пришол посмотрѣть на нее, то

Сину црква, као жарко сунце

(Вук II, 36, ст. 242)

Лазарь, строя церковь, будто знал, какая судьба ожидает его: когда патриархи, епископы и священники собрались на похороны Лазаря и просили Святого указать мѣсто, гдѣ он желает покоиться,

Не ће светац задужбини туђој
Већ он оде својој задужбини,
А у своју красну Раваницу
Под високом под Кучај-планином,
Што је Лаза саградио цркву
За живота јоште за својега,
Саградио себи задужбину
О свом лебу и о своме благу
А без суза без сиротинскије.

(Вук, N 54, ст. 79—до конца).

В пѣснѣ говорится о рѣшеніи князя Лазаря построить, по примѣру Неманичей, церковь „задушбину“ из золота, серебра, бисера и драгоценных камней. Вся „Српска господа“ была согласна с Лазарем, только Милош „сједи, ништа не бесједи“. Лазарь замѣтил это и, подавая ему чашу с вином, проговорил: „будь здоров, воевода Милош! скажи и ты чтонибудь мнѣ: вѣдь я хочу строить задушбину“. Взял Милош чашу; выпьет вино, а так говорит: „спасибо тебѣ, князь, на добром словѣ! А что ты хочешь строить задушбину, то — нѣтъ на то времени и неможет быть. Возьми, князь, „книге старославне“ да посмотри, что там говорится: *настало послѣднее время*, скоро отнимут Турки царство, будут сами царствовать; разрушат наши задушбины, разрушат монастыри, разрушат и Раваницу. Выкопают олово из основанія церкви, сольют из него пушечныя ядра, да будут разбивать ими наши города; разрушат серебряныя стѣны, сольют украшенія на своих коней; разломают золотой покров, скуют ожерелья своим женам; разнижут

с церкви бисер, нанижут женам на ожерелья; вынут дорогие камни да вставят их в эфесы своих сабель и в золотые перстни женщин.

Већ чу ли ме славни кнез Лазаре!

Да копамо мермера камена

Да градимо цркву од камена

И Турци ће царство преузети

И наше ће задужбине служит

Од вијека до суда Божјега:

Од камена ником ни камена.

Лазарь соглашается с Милошем и строит каменную церковь.

Тот же мотив встрѣчается между прочим в пѣснѣ о построеніи Дечанскаго монастыря (Гильферд. III, 108—111). Царь Стефан уступает Душану царство и только просит у него для себя село Дечане, в котором он намѣрен построить церковь

Оћу градит била монастира,

Темел љу ју од срме градити

А диреке од бјела карловца,

А покрит ју жеженијем златом;

Да ју вишим да височје нема,

Да ју шарим да ју дјепше нема,

Да ју нигда у свијету нема!

Нек се знадне царска задужбина,

Нек се знадне: јесмо царовали!

Сестра Елена на это ему отвѣчает:

А мој брате, Српски цар Стефане!

Немој таквог манастира градит,

Не л' кажују кнѣге старостојне

Оће Турци преузети царство

Неће ни се одржати црква,

Одржати у Турскому царству:

Оће Турци развалити цркву,

Покупити срму и позлату,

Од срме те рахтове градити

Те китити коње сједленике,

А од злата булама джердаме,

Тер китити своје вјерне лубе.
Но ти гради бјела монастира
Темел гради од студен' камена,
А покриј ју тешкијем оловом:
За то Турци ни гледати неће,
Тако ће се одржати црква
Одржати у Турскоме царству,
И у ну ће пјеват летурђија
И купит се народ Србадија“.

Ср.: Миладинов. Болгарск. п. N 47.

Пјесня была сложена гораздо раньше косовских; но этот мотив привязан к ней позже; влияния косовских пјесен могло при этом и небыть. Уцѣлѣвшіе от турецкаго погрома нѣкоторые монастыри и церкви, естественно, наталкивали народ на мысль, что Неманичи с намѣреніем строили свои задушбины из камня и мрамора, чтобы онѣ вѣчно свидѣтельствовали об их царствованіи. Мотив этот входил в состав прежних пјесен, служил также основаніем для сложенія новых (Зидане Раванице).

У Болгар пјесня о построеніи Раваницы приняла слѣдующій вид:

Дане бане ¹⁾, челѣнине, Со сѣяне со с кмѣтове.
Дан ми бан ми винѣ пиѣ Сѣяне му говорѣха:

¹⁾ В этой пјеснѣ еще можно видѣть указаніе на историческую личность Дана воеводы, быть может того, о котором сербская лѣтопись упоминает под 1432 г.: въ лѣто 6940 прѣстависе Данъ воевода, храбровавъ доблестнѣ на Измаилти (В. В. Макушев. О нѣкотор. рукописях нар. библ. в Бѣлградѣ. Р. Ф. В. VII 23); но весьма сомнительно, чтобы упоминаемое в других болг. пјеснях назв. „Дан-бан, дан-войвода“ означало собственное имя. Подобно тому как—„остров Буян“ значит собств. „буйный остров“,—„дан бан“ значит—„данный (в см.: названный, принимаемый в данном случаѣ за такового) бан“. Первоначально это выраженіе употреблялось, вѣроятно, в колядках —

Стани нынѣ, домакине,
Дане бане, дан войводо! (запис. М. С. Дринов),
гдѣ оно имѣло значеніе выраженія почтенія, уваженія коля-

Дане бане челенине,
 Доста пихме руйно вино,
 Етѣ станѣ три мѣсеци,
 Ка пиѣме руйно вино,
 За Бога се не сѣщаме.
 Айде цркви да градиме

Се от сребро и от злато,—
 Дан им бан им говораше:
 Ей сѣляне ей кметове!
 Немой църкви да градиме,
 Се от сребро и от злато:

довщиков хозяину дома. Ср. напр. в мр.: „пане господарю!“
 в великор. свадебн. п.:

Иванушка князь молодой,
 Авдотьюшка княгиня! (запис. мною).

Вслѣдствіе частаго употребленія и забвенія первоначальнаго
 значенія нарицательное имя стало пониматься как собственное,
 и в таком видѣ перенесено в другія пѣсни. Вѣдь вышло же
 собственное имя „Стане Нине“ вм. (Миладин. Болг. п. N 83)
 „стани нынѣ!“ Вѣдь выводили же из пѣсеннаго припѣва „ой
 діду, ой лелю!“ существованіе Леля, особаго божества языче-
 ских Славян? Ср.: в Щигр. у. Курск. г. существует игра „в
 сипучую вѣдму“. Участвующіе становятся в кружок и один,
 указывая на каждаго из стоящих, произносит слѣдующее так,
 что каждое слово относится к одному лицу:

1,	<i>Первидан</i>	барабан	баякалка
	<i>Друидан</i>	5,	свистель
	На корабн		сакалок
			карастель
10,	дсятков		чирикалка
	Пядун		Выкинъ
	Ладун	18,	Шисал
	Шохмут		Вышал
	Лохмут		или
15,	Дикинъ		Радивон
			выди вон.

Вмѣсто этого говорится:

1,	<i>Первинушки</i>		вырвал
	<i>Друинушки</i>	10,	травку
	На курбах		палажил
	На журбах		на лавку.
5,	Пѣли		Хто узял?
	Гарѣли		Радивон
	Мѣсяц	15,	Выди вон.
	Заяц		

Тот, к кому относится „выди вон“ выходит из круга; остав-
 шійся послѣ выхода всѣх — „сипучая вѣдма“.

Наше царство достанало,
Турско царство настанало,
Та кят църкви разтурити,
От сребро кят сѣдла кова
От злато кят узди лѣти;
Нало църкви да сградиме
От бѣл камик и от мермер
Бѣла вара жълта зѣмля.
Селяне го послушаха
Та ся църкви наградили
От бѣл камик и от мермер
Бѣла вара жълта зѣмля

Doz. Болг. п., 39 N.

Со смертію Юрія Бранковича прекратилось самостоятельное существование Сербіи: она сѣдлалась Турецкой провинціей (в 1457 г.). До этого времени не могло быть упоминанія в пѣснях о „пропасти царства српскога“. После же этого времени могло установиться и убѣжденіе, что „пропаст“ произошла неслучайно, а по волѣ судьбы. Это вѣрованіе особенно ярко выразилось в слѣдующем разсказѣ: „Стефан по смерти своего отца Лазаря бѣжал в Московію и чрез нѣсколько времени привел оттуда в Сербію войско; бился с Турками, побѣдил их и, прогнавъ за море, бросил в море свой буздохан со словами: „когда выйдет тот буздохан на берег, тогда и Турки возвратятся“ — буздохан тот час и выбросило на берег. Ангел при этом сказал ему: „и ти можеш и кон ти може, али ти Бог неда“ (Карадж. Рѣчн. сл. Високи Стефан). Ср. с этим: Марко Королевич перед смертію также бросает свой буздохан в море, приговаривая:

Кад мој топуз из мора изиш'о
Онда 'ваки џетић постануо.

Вук, II, N 74, ст. 95—96.

Вѣра в судьбу проникает косовскія пѣсни; герои идут на битву с убѣжденіем, что им назначено умереть: Милош говорит Косовской дѣвушкѣ:

Еве т' идем погинути душо
У табору честитого кнеза.

В хорватској пјесни Степан Бушич так разъясняет своей
женѣ видѣнный ею сон:

Знати ми се, дјубовце, са Косова невратити!

Ср. с этим. в мрус. пјесни сын говорит матери:

Гонять мамко на сторожу
Під чорний ліс на могилу;
Видить ми ся моя мамо,
Що либонь я там загину.

(Чуб. Труды экспед. в Зап. кр. V, стр. 947).

„Појетична предана наша мисле, говорит Новакович,
да је било наговештено, да ће пропаст косовска се дого-
дити услед суђенога; да је увређен Милош Обилић оти-
шао напред у Турски стан, те тамо цара Мурата убио,
да је Вук Бранковић у одсудном часу битку напустио и
да неко (Мусић Стеван) није стигао на време“ (стр. 120).

Интересна пјесня „пропаст царства Српскога“ Вук II
46. Она начинается поэтическим вступлением:

Полетио соко тица сива
Од светине од Јерусалима
И он носи тицу ластавицу.
То не био соко тица сива
Веће био светитель Илија;
Он не носи тице ластовице,
Веће книгу од Богородице.

Птицы в нар. поэзии—вѣстинки. Подобное начало встрѣ-
чается и в мрус. поэзии:

Ой с под луга с под темного
Та с под гаю зеленого
Вылѣтала пташка дивная
Выносила письмо офицерское,
Не офицерское но государское.

Головацк. Пјесни I, 138.

Святитель отнес письмо царю на Косово и спустил
ему на колѣни; само письмо говорило: „царь Лазарь! какое
царство желаеш ты приобрѣсти—небесное или земное? Если

хочеш земное, то—сѣдай коней, вступай в бой с Турками: все Турецкое войско погибнет; если же желаеш получить царство небесное, то построй церковь на Косовом, причасти там свое войско: все оно погибнет, погибнеш и ты с ним“. Царь по раздумьи избрал царство небесное:

Земалско је за малено царство,

А небеско у век и до века.

Построил церковь на Косову и причастил войско. Только что выстроил войско, напали Турки; Сербы храбро сражались и Лазарь одолѣл бы Турок, да, будь проклят Вук Бранкович! он измѣнил царю.

Пѣсня по содержанию распадается на двѣ части, связанные между собой механически. Вторая часть—описание битвы (от 45 ст. до конца) неотвѣчает содержанию первой; кромѣ того противорѣчит историческим данным и прочим Косовским пѣсням: она упоминает об участіи в Косовской битвѣ Мрнявчевичей и герцога Степана; ни тѣх ни другого к тому времени небыло в живых. Вѣроятно, эта пѣсня составлена позже прочих косовских; в ней пѣвец соединил в одно какую нибудь пѣсню о самой битвѣ, далеко отошедшую от первоначальнаго своего оригинала и — легенду о Лазарѣ, каковыя появились вслѣдствіе прославления его святым.

Одною из таких легенд является „обретеније главе кнеза Лазара“ Вук II, N 53. Г. Павич не вводит ее в круг косовских, что, отчасти, справедливо, так как в ней только 16 стихов относится к косовскому событію. В них говорится о том, как послѣ боя молодой Турок, мать котораго, однако, была Сербка, взял голову Лазаря и спустил ее в колодезь, потом что

Греота је од Бога једнога

Да је клују орли и гаврани

Да је газе коњи и јунаци.

В колодцѣ голова князя оставалась 40 лѣт. Дальше говорится об открытіи мощей Лазаря и погребеніи в Раваницѣ. Исторически извѣстно, что это событіе случилось через два года и 8 мѣсяцев послѣ Косовской битвы; но пѣсня сложилась гораздо позже. Историческаго в ней нѣтъ ничего.

Косовскія пѣсни, изображающія различные моменты косовской драмы, могли быть сложены только тогда, когда были живы в памяти народа особенно интересные эпизоды событiя. Поэтому мы признаем несомнѣнным, что онѣ существовали в первой половинѣ XV вѣка. В пѣснѣ „цар Лазар и царица Милица“, Вук II 45, слуга Милутин говорит Милицѣ, что старый Юг-Богдан погиб в первом бою, с ним — восемь Юговичей; девятый — Бошко Югович еще остался со знаменем в руках. За ним погиб Банович Страхиња. В пѣснѣ N 49 „Милица и Владета војвода“ послѣдній рассказывает частные случаи сраженiя. Видно по пѣснѣ, что он убѣжал с Косова, когда еще сраженiе не было окончено: о Милошѣ Обиличѣ он говорит:

Та ја прођох кроз Косово равно
И ја виђех Милош Обилића:
Он стојаше у полу Косову
На бојно се копље наслонио,
Бојно му се копље преломио,
Пак на њега Турци навалише,
До сад мислим да је погинуо

ст. 43—49.

Такую же вѣроятность он высказывает и о Лазарѣ:

Ја не виђех честитога кнеза,
Већ ја виђех кнежева зеленка
ћерају га по Косову Турци,
А кнез мислим да је погинуо

ст. 18—21.

Это вполне согласно с нижеприводимым историческим свидетельством, что первым убѣжал с Косова Вратко (Владета), полководец боснійскаго короля, что указывает на значительную давность пѣсни.

В XV вѣкѣ вѣроятно существовала и пѣсня о Мусичѣ Стеванѣ.

Трудно сказать чтонибудь определенное о времени сложения прочих косовских пѣсен. Кажется безошибочно можно признать, что в XVI в. уже существовали всѣ тѣ пѣсни, которыя мы имѣем в настоящее время. Само собою

понятно, что мы не знаем состава прежних косовских пѣсен; вѣроятно, онѣ были полнѣе теперешних и может быть приближались болѣе к малорусским думам.

IV.

В какой части территоріи, занятой Сербами, были преимущественно сложены косовскія пѣсни?

Г. Павич косовскія пѣсни зовет хорватскими в смыслѣ сербо-хорватских; он предполагает, что послѣ боя в разных мѣстах стали пѣться пѣсни, излагавшія в общих чертах событіе. Нам кажется, что есть основаніе дать болѣе точный и опредѣленный отвѣтъ на этот вопрос.

Нетребует доказательств то положеніе, что пѣсня слагается или участниками событія или людьми близкими к событію по времени и заинтересованными в нем. Хотя к Косову были стянуты силы Сербо-Хорватов, но тяжесть пораженія легла главным образом на собственно-Сербов. Радич Захолмскій не успѣлъ на бой, Марко Королевич все несобирался, Балша Зетскій выжидал на границѣ своих владѣній; Босняки хотя участвовали в битвѣ, но были главными виновниками пораженія: они первые дрогнули и побѣжали. Поэтому — ни в Босніи, ни в Герцеговинѣ, ни в Зетѣ немогли запѣться первоначально косовскія пѣсни; *колыбель их — Россія, теперешняя Старая Сербія.*

Обращаясь к содержанію косовских пѣсен, замѣчаем, что онѣ говорят о небольшом кружкѣ лиц, группировавшихся около Лазаря и живших в мѣстности Старой Сербіи, около Косова поля, Страхиња жил „в маленой Банској крај Косова“; Милош Обилић родом из Нови-Пазара; в Крушевцѣ сидѣлъ князь Лазарь; в Прокуплѣ — старый Юг-Богдан с 9-и сыновьями; на Топлицѣ жил Милан Топличанин; Иван Косанчич на ровной Косайницѣ; Мусич Стеван жил также вблизи Косова. Исключеніе составляет только „Владета војвода“, в котором слѣдует видѣть воеводу *Влатка Хранича*, посланнаго в помощь Лазарю боснійским королем *Тертком*. Но его, равно как и Вука

Бранковича, народ немог забыть вслѣдствіе дѣятельнаго участія в судьбѣ Лазаря. Спрашивается теперь, ужели не было других героев на Косовом? Косовская драма захватила и напрягла всѣ силы Сербіи; она несомнѣнно выдвинула и других вождей, живших в теперешнем княжествѣ Сербском. В перечнѣ героев, сидѣвших за столом Лазаря в п. „Зидане Раванице“ упоминается много лиц, про которых прочія косовскія пѣсни ничего неговорят; в п. Вук II „комади“ V упоминается герой Срѣа Злопоглеѣа,

Што два и два на копле набија,
Преко себе у Ситницу тура.

Сербскій народ незапомнил их подвигов, незапомнил потому, что та часть его, которая запѣвала пѣсни, не знала самих героев; она хорошо знала подвиги *своих вождей и начальников*; их она и обезсмертила в своих созданіях.

Разбор пѣсни „Мусић Стеван“, Вук II 47, послужит иллюстраціей к сказанному. Содержаніе ея таково: пьет вино Мусић Стеван „у Мајдану чисто сребрномѣ“; прислуживает Ваистина слуга. Когда подвыпили вина, Мусић сказал слугѣ: я лягу спать, а ты ужинай, пей вино, а когда станет мѣсяц на заходѣ, а зарница на восходѣ, буди меня: тогда нам пора ѣхать на Косово „на рочиште честитоме кнезу“. Помниш, как крѣпко заклинал нас князь, когда мы были на присягѣ:

Ко је Србин и Српскога рода
И од Српске крви и колена
А ведош'о на бој на Косово
Не имао од срца порола!
Ни мушкога ни девојачкога;
Од руке му ништа неродило
Рујно вино ни шеница бела;
Рѣом кап'о, док му је колена!

Стеван лег спать, а Ваистина поужинал, напился вина и когда настал урочный час, пошел будить господина. Когда он подходил к дверям башни, встрѣтила его жена Стевана; обняла, поцѣловала и стала просить: „брат по Богу, Ваистина слуга! не буди ты моего и своего господина: дур-

ной сон видѣла я нынѣшнею ночью: будто из нашего двора вылетѣло стадо голубей, а перед ним два сокола; полетѣли они на Косово, пали в середину табора Мурата; как пали,—больше неподнялись; плохое это знаменіе, на гибель вам!“ Но слуга нерѣшился нарушить вѣрность господину: он разбудил Мусича. Собравшись, они поѣхали на Косово. На Косовом встрѣтила их косовская дѣвушка; в руках она несла два золотых сосуда, — оба были пусты —, в пазухѣ нарядный „клубук“ бѣлаго шелку. Поздоровавшись с нею, Стеван спросил, откуда она взяла этот „клубук“. Дѣвушка отвѣтила, что утром она вышла на Ситницу за водой; но вода была мутна и рѣка вышла из берегов; по ней плыли кони, воины, турецкія чалмы и шапки, и сербскіе клубуки; этот клубук был возлѣ берега, она и взяла его себѣ. Сказала и подала „клубук“ Стевану; узнал Стеван, чей был клубук, заплакал, ударил себя по колѣну рукою так, что лопнуло алое сукно на колѣнѣ, золотая застежка на правом рукавѣ: „горе мнѣ! осталась на мнѣ клятва моего славнаго князя!“¹⁾ Возвратил клубук дѣвущкѣ, достал ей три дуката: „это тебѣ, сестра дорогая, косовская дѣвушка! Я иду на бой на Косово; если возвращусь, лучшим даром отдарю тебя, если погибну, помани меня по моему подарку!“ Сказав это, перешол Ситницу, ударил на царскій табор, разбил трех пашей; когда напал

¹⁾ Ср. слѣд. преданіе: „когда Милош явился на Косово один, в сопровожденіи небольшой дружины, Лазарь спросил: „гдѣ же твои воины из Мачвы?“ — Они остались дома пахать и сѣять, отвѣчал Милош. Тогда разгнѣванный царь изрек проклятіе, чтобы они сѣяли, а им ничего не доставалось, кромѣ тернія, чтобы жатвой их пользовались Турки. Проклятіе сбылось и Мачва послѣ в теченіи 3 вѣков не знала мира“.

Ровинскій Воспоминан. из путеш. по Сербіи. Вѣст. Евр. Декабрь 1875 г., 700—701. Вук Карадж. говорит: „Мачва је била до год. 1804 најбогатија кнежина у Србји, него је потом до год. 1816 погажена и оплијенена...“ Значит преданіе сложилось недавно. Так живы у Сербов воспоминанія о Косовской битвѣ.

на четвертаго, сам пал, а с ним Ваистина и все его войско — 12 тысяч.

И ту нам је и кнез погинуо

Ту су Србли изгубили царство

Честитога цара земаљскога.

Варианты этой пѣсни: у Гильферд. III, 172 и слѣд.; J. Стеича и Т. Влаича; все они сходны по содержанію, но в имени героев различаются. У Гильфердинга Мусичу Стевану соответствует Бушич Стеван, Ваистинъ — Оливер; у Стеича — Васоевич Степа; у Влаича — Облаич; в обоих слуга неназван по имени. Последній вариант очень краток и есть скорѣе отрывок, а не цѣлая пѣсня. Событіе, о котором разсказывается в пѣснѣ, вполне историческое, только относится не к Мусичу Стевану, а к Захолмскому и Далматинскому воеводѣ Радичу. Тронушскій лѣтописец говорит об этом слѣдующее: *А князь Радичъ Захолмскій и Приморья, сила крѣпчайшая Сербская, понеже въ далекомъ разстоянїи, немогша скоро прїити; а бѣ совокупилъ великое воинство и ведяше, но не доспѣ той на бой, но мало по томъ доспѣлъ; и егда разумѣлъ, яко воинство сербское све потибнуло с Лазаремъ кралѣмъ, сего ради самъ себе прободъ мечемъ издше и тамо погребенъ бысть, того ради и нынѣ зовется гробъ Радича воеводы; воинство же его разидеся въ дома.* Мусич Стеван также лицо историческое; он приходился Лазарю племянником по матери (сестричиѣ). Сестра Лазаря Драгиня была выдана за Мусу; от этого брака родились Стеван и Лазарь. В грамотѣ от 1381 г. Лазарь дарит своему зятю села: Уларе и Трнаву. Трнава и теперь существует при впаденїи Брвеници в Лаб. При переносѣ мощей Лазаря из Приштины в Раваницу, их ставили в городѣ Брвеникѣ в церкви, „коју созидаше сестра му и синови кезины Стефан и Лазар“, как говорится в „Словѣ“, напечатанном в „Летопису Матице Српске“ 1874, II, 114. Сестра Лазаря здѣсь называется Теодосія; в то время—ни ея ни дѣтей ея небыло в живых. Откуда ясно, что Муса умер еще до Косовскаго боя, а Драгиня поступила в монахини и получила имя Теодосїи. Стеван Мусич

принимал дѣятельное участіе в борьбѣ Лазаря с Алтомановичем, как горячій приверженец перваго; стало быть к 1389 г. он был уже в полной силѣ. Если в 1390—2 г. его небыло в живых, то весьма вѣроятно, что он погиб на Косовѣ во время боя ¹⁾).

Неясна причина, почему на Мусича Стевана перенесено событіе, бывшее с Радичем; но понятно, какъ это могло произойти. Если бы пѣсня творилась в Захлумьѣ, то имя Радича в ней удержалось бы. Непремѣнно пѣсня составлялась в той мѣстности, приблизительно, откуда был родом Мусич Стеван. В окрестностях Косова имя Радича скоро и легко забылось; но фактъ слишкомъ яркъ для того, чтобы исчезнуть из памяти; народъ немогъ не воспользоваться такимъ прекраснымъ сюжетомъ для пѣсни. Какой нибудь случай из жизни Мусича дал поводъ людям, знавшимъ его, перенести на него ходившее пока безличное преданіе о витязѣ, непослѣдствѣвшемъ на бой.

Бушич Стеван хорватской п. есть фонетическое измѣненіе—*Мусић*; названіе Васоевић Степа также напоминает *Стевана*; „Облачић Раде“ варианта Влаича — одно лице с Радичемъ великимъ челником. Послѣдній вариантъ очень кратокъ и искаженъ; трудно сказать о немъ что либо опредѣленное ²⁾. Очень жаль, что мало записано вариантовъ косовскихъ пѣсенъ; но изданные незначительно отличаются от Вуковыхъ. Это естественно ведетъ къ предположенію, что косовскія пѣсни вышли из одной мѣстности.

В самомъ текстѣ пѣсенъ мы, кажется, нашли доказательства нашей мысли. В п. Вук II, Комад 4, Иванъ Косанчичъ говоритъ Милошу, что онъ долго ходилъ по турецкому войску и не нашолъ ему конца:

¹⁾ Свѣдѣнія о Мусичѣ Стеванѣ заимствованы мною у Новаковича—Списке н. п. о б. на Косову.

²⁾ К сожалѣнію я не успѣлъ еще ознакомиться съ новымъ трудомъ г. Новаковича „Велики челникъ Радичъ или Облачић Раде (1413—1435)“ Београдъ, 1881, краткая замѣтка о которомъ помѣщена в Arch. f. Slav. Philologie, VI, I, 145.

Од мрамора до сува јавора
Од јавора, побро, до Сазлије
До Сазлије на Ђемер Ђуприје
Од Ђуприје до града Звечана
Од Звечана, побро, до Чечана
Од Чечана врху до планине
Све је Турска војска притиснула.

(ст. 15—21).

Такое точное опредѣленіе пространства, занятого турецкими войсками могло быть сдѣлано только лицом близко знавшим мѣстность Старой Сербіи, жившим там, а незабрѣдшим туда случайно, на время, хотябы в період косовскаго событія.

В п. Вук II N 8 „Јован и дивски старјешина“ — ослѣпленный своею матерью и дивским старѣйшиной Јован так говорит погонщику Раду:

Богом брате, Ђириџија Раде!
Не водите мене по свијету
Но ме бач'те на пуста Лабуда,
Зажмите ме води Калаџијској
Е умријех од жеђи јуначке;
А пођите два шри у Косово
А у моје Богом посестриме
Посестриме крчмарице Јане
Нека дође води Калаџијској,
Да ме зајми у поле Косово
Разумна је ума и памети
Гуслара јој у свијету нема
Не би ли ме чуђет' научила

ст. 267—279.

Откуда ясно, что Косово поле славилось своими пѣвцами и гуслярами. Им, по всей вѣроятности, мы обязаны главным образом созданием пѣсен косовских и других, относящихся к Неманичам.

Итак, выражая опредѣленный все вышесказанное, — бассейн рѣк Ибара и верхней части Моравы нужно признать родиной и первоначальной колыбелью косовских пѣсен.

В этой мѣстности лежит Раса (Нови-Пазар) „колыбель сербской державы“, Крушевац — резиденція Лазаря, Призрѣн — „Сербскій Царь-Град“, Приштина и др. — центры прошлой государственной жизни Сербов. Около таких центров всегда группируется эпос. Несомнѣнно, в других мѣстах даже о косовском боѣ существовали самостоятельныя пѣсни; но, вѣроятно, онѣ были блѣдны в сравненіи с мѣстными, косовскими, и скоро были вытѣснены послѣдними.

V.

С перенесеніем центра государственной власти в Смедерево и Бѣлград, с отплывом населенія из мѣстностей, разоренных Турками, уходит с Косова и эпос. „Замѣчательно, говорит Гильфердинг, что на самом Косовѣ полѣ, гдѣ разыгрались все событія Сербской исторіи от смерти Уроша до смерти князя Лазаря, событія, составляющія главный цикл Сербскихъ эпическихъ пѣсен, пѣсни эти совершенно неизвѣстны. Сколько я ни спрашивалъ поселян в Неродимлѣ и в разныхъ деревняхъ на Косовомъ полѣ про пѣсни об Урошѣ, Вукашинѣ, Милошѣ и Лазарѣ, вездѣ былъ одинъ отвѣтъ: „такихъ у насъ пѣсенъ не знаютъ!“ „Если хочешь слышать пѣсни о Лазарѣ, поѣзжай в Черную Гору и Приморье“, замѣтилъ мнѣ одинъ изъ Неродимцев“. За то здѣсь живо сохранились преданія об Урошѣ, Вукашинѣ, Лазарѣ и др. лицахъ Сербской исторіи. Объясняетъ это Гильфердингъ такъ: „Видно, поэзія не в силахъ была овладѣть событіемъ на томъ мѣстѣ, гдѣ оно совершилось и гдѣ рѣчка, пригорокъ, могила напоминаютъ о немъ в его сухой, дѣйствительной формѣ“ ¹⁾. Дѣло не в томъ. Пѣсня — матеріалъ болѣе подвижной, нежели преданіе. Черезъ пѣвцовъ, гусяровъ и другихъ „перехожихъ“ людей она заносится туда, куда преданіе можетъ и не зайти. Малорусскія думы напр. можно слышать в Галиціи, великорусскія былины на дальнемъ сѣверѣ и из-

¹⁾ Гильферд. III, стр. 157.

рѣдка в губерніях поволжских... Пѣсня и не может долго жить на том мѣстѣ, гдѣ она создана: наплыв новых событій обращает творческія силы народа на другіе предметы. Создаются новыя пѣсни; ими интересуются болѣе как новинкой; старыя сдаются в архив и передаются в другія мѣстности. Пока, переходя из одной мѣстности в другую, из уст в уста, пѣсня дойдет до отдаленных окраин и захолустій, пройдут десятки и десятки лѣтъ; на мѣстѣ их первоначальной родины выростут уже нѣсколько поколѣній, которыя и не будут даже знать художественных произведеній своих предков.

Преданіе двигается медленно; оно может и оставаться на одном мѣстѣ, даже если народ, создавшій и хранившій его, переходит. Извѣстно в литературѣ существованіе т. н. „осѣдлыхъ сказаній“. Тѣсная связь косовскихъ преданій с мѣстностію, происшедшая вслѣдствіе обилія вещественныхъ памятниковъ, живо напоминавшихъ народу о минувшихъ событіяхъ, помѣшала ихъ забвенію.

С переходомъ в новыя мѣста, естественно, пѣсни видоизмѣнялись. Лица приурочивались къ другимъ событіямъ и мѣстностямъ; герои, дѣйствовавшіе отдѣльно и в разныя эпохи приводились въ связь между собою и т. п. В п. Вук III N 10 Милошъ Обиличъ считается жившимъ в Поцерьѣ. Мусичъ Стеванъ помѣщается в Майданѣ Пожаревацкой нахіи, Страхиња банъ приводится въ связь с Янкомъ воеводою — Яномъ Гуніади ¹⁾.

В Дубровникѣ косовскія пѣсни получили литературную обработку в бугариштицахъ. Об одной изъ нихъ (Гильф. III, 169—72) мы уже имѣли случай говорить; ср. Замѣтки по слав. нар. поэзіи, III. Къ сказанному тамъ мы имѣемъ возможность въ настоящее время еще кое что прибавить. В Arch. f. Slavisch. Philol. VI, 1, напечатана пѣсня о Милошѣ Обиличѣ и Вукѣ Бранковичѣ — одинаковаго содержанія съ этою бугаркиней. Пѣсня эта извлечена изъ рукописи, находящейся въ Парижѣ въ Bibliothèque de l' Arsenal,

¹⁾ Милутиновичъ, Пѣванія Црногроска и Герцеговачка, NN 109, 151 и пр.

куда она попала из бібліотеки маркиза Paulmy d'Argenson, бывшаго одно время французским посланником в Венеціи. В 1785 г. он продал свою бібліотеку графу Артуа; пѣсня же, конечно, была записана раньше и, вѣроятно, почти в тоже время, когда составлялся Дубровницкій сборникъ бугариштиц (завершон в 1758 г.); пѣсня — десяти-сложнаго размѣра; в народности ея неможет быть никакого сомнѣнія; нѣкоторыя мѣстныя, герцеговинскія приуроченія даютъ право заключать, что она долго жила в Герцеговинѣ; — а это равносильно признанію, что десятисложный метр не новинка и не сербизм у Хорватов. Пѣсня и по содержанію интересна; мы приводим ее здѣсь цѣликом, измѣняя лишь латинскій шрифт на кирилицу и вводя соотвѣтствующую интерпункцію.

- 1 Липе ти су румене ружице
У бијелу двору Лазарову,
Немо незна, која бише липша,
Која виша, која л' руменија.
- 5 Нису оно ружице румене,
Већ су оно ћерце Лазарове,
Од Сервие равна господара,
Од старине витеза и бана.
Лазар ћерце за господу даје:
- 10 Вукосаву—Милош Кобилићу,
Мару даје Вуку Бранковићу,
А Милицу цару Бајазету.
На далеко Јелину удаје
За племића и господичића
- 15 По имену Црнојевић ђурђа
Кои бише от Зете војвода ¹⁾.
Мало врме постојало бише,
Три сестрице мајку походише;
Не походи Милица царица,

¹⁾ В біографіи деспота Стефана говорится: „Арбанашскій (Албанскій) господињ Гюргъ имя ему, поялъ бѣ Елену сестру его (Стефана, дочь Лазаря) въ жену“... (Гильферд. III 161).

- 20 Јер јој неда царе Бајазете.
Сестрице се липо поздрављале,
Ал се оне барзо завадише
Хвалећ свака свога заручника
У бијелу двору Лазарову:
- 25 Вели љуба Црнојевић ђурђа,
По имену Јелина госпођа:
„Није мајка родила витеза,
„Што је мајка Црнојевић ђурђа“.
Говорила љуба Бранковића:
- 30 „Није мајка родила племића,
„Ни јунака ни господичића,
„Што је мајка Вука Бранковића“.
Смијаласе љуба Милошева,
По имену млада Вукосава,
- 35 Смијаласе, тер је бесидила:
„Не лудујте, јадне секе моје!
„Не хвал’те ми Вука Бранковића,
„Кои није на гласу делија,
„Нит’ ми хвал’те Црнојевић ђурђа,
- 40 „Јунак није, нит’ је од јунака;
„Већ хвалите Милош Кобилића,
„Од Лазара новогa племића,
„Коино је јунак од јунака,
„Породи га Херцеговка мајка.“
- 45 Расрдисе љуба Бранковића,
Вукосаву руком ударише;
Како је је тако ударила,
Из носа јој крвца извирила.
Скочила се млада Вукосава,
- 50 Оде цвилећ’ к’ двору бијелому,
Милоша је плачућ’ дозивала
Тер је њему тихо говорила:
„Да ти незнаш мили господаре,
„Што говори љуба Бранковића,
- 55 „Да ти нијси племић од племића
„Него рђа од рђаковића.

- „Јоште хвали љуба Бранковића,
„Да ти несмиш на мејдан изаћи
„Бранковићу свому господару,
60 „За што нијси десном руком јунак“.
То Милошу пуно мучно бише;
Тер се скаче на ноге јуначке,
И посиде коња од мејдана,
Пак дозивље Вука Бранковића:
65 „Пријатељу, Вуче Бранковићу!
„Ако те је породила мајка
„Изађи ми на мејдан јуначки,
„Да видимо, ко је бољи јунак“.
Инако се Вуку немогаше;
70 Већ посиде коња од мејдана
Пак изађе на то поле равно,
Гди бијаше мјесто од мејдана.
Ту се с бојним копљим ударише,
Ал се бојна копља поломише;
75 Од бедрице ћорде поварише
И ћорде се бритке изломише.
Удрише се тешким буздоханим;
Буздоханом перје политаше.
Милошу је срића прискочила,
80 Баци с коња Вука Бранковића.
Говори му Милош Кобилићу:
„Сад се хвали, Вуче Бранковићу,
„Похвали се вирној љуби твојој,
„Да ти несмим на мејдан изаћи.
85 „Могу ли те, Вуче, погубити
„Твоју љубу у црно завити
„Али нећу, јер смо пријатели;
„Пођи с Богом, не хвали се више!
Мало време постојало бише;
90 На Лазаря Турци ударише
Прид њима је Мурат Сулимане,
Роби, пали села и градове.
Лазару се ино немогаше,

- Него купи војску на све стране,
95 Зове к себе Вука Бранковића
И делију Милош Кобилића.
Госпоски је совет учинио;
Господу је на совет стварао;
А када се винца понапише,
100 Господи је својој бесидио:
„Послушайте, моји витезови,
„Ви по избор бани и кнезови!
„Сјутра ћемо удрити на Турке,
„Слушаћемо Милош Кобилића,
105 „Јер је Милош на гласу делија,
„Боје га се Турци и Крштјани,
„Он ће бити прид војском војвода,
„А за њиме Бранковићу Вуче.“
То је Вуку врло мучно било,
110 Јер Милоша видит' немогаше;
Лазара је на двор изводио,
Скровито је њему говорио:
„А не знаш ли, мили господаре,
„Залуду си војску сакупио
115 „Издаће је Милош Кобилићу:
„Турке брани, о невири ради.“
Мучи Лазар неговори ништа.
А када је за вечером било,
Златном чашом Лазар напијаше,
120 Сузе рони, тихо бесиђаше:
„Ни у здравље цара ни цесара,
„Већ у мога зета Кобилића,
„Кои ме је издат' намислио,
„Кано Јуда свога Створитеља.
125 Заклиње се Милош Кобилићу
Заклиње се Богом господаром,
Да издаје неће учинити,
О невири нигда помислити.
Пак се скаче на ноге јуначке,
130 Тер улизе под чадоре биле;

- До поноћи сузе проливаше,
 Од поноћи Бога вапијаше.
 Када ли је зора забилила,
 И даница лице помолила,
 135 Он посиде добра коња свога
 Пак отиђе у војску цареву
 Моли Милош цареве делије:
 „Пустите ме к цару под чадоре,
 „Издаћу му војску Лазарову
 140 „А Лазара жива уфатити.“
 Кобилићу Турци вироваше
 Тер прид цара њега доведоше:
 Клече Милош на землицу црну,
 Љуби цару скута и колина.
 145 Свога се је ножа добавио,
 Мурата је у срцо удрио;
 Пак повади сабљу од бедрице,
 Сиче Милош паше и везире;
 Ал' и њему лоша срића бише,
 150 Јер га Турци на сабле разнисе.
 Што учини Вуче Бранковићу,
 Што учини, да од Бога нађеш!

При сравненіи этой пѣсни с соотвѣтствующею бугариштицей яснѣе обнаруживается литературное происхождение послѣдней; становится очевидным, гдѣ и насколько автор по своему разумѣнію искажил народную пѣсню и внес в нее понятіе *своей* среды. Относительно языка, переклад лишился игривости, силы и ясности—свойств, отличающих народную пѣсню. Зато при сравненіи этой пѣсни с рассказом тронешкаго лѣтописца обнаруживается полнѣйшее сходство. Несомнѣнно, послѣдній пользовался для своего изложенія экземпляром, лишь незначительно отличавшимся от этого. Приведем подходящія сюда мѣста тронешкой лѣтописи. „Бѣше спора помежду дщерахъ Лазаревыхъ, а женъ Вука и Милоша, о красотѣ и мужествѣ мужей своихъ, изъ чего Вукова дала удареніе Милошевой. Того ради Милош, отмастивъ Вуку, на поединку свргъ Вука съ коня

ударивъ о землю.“ Ср. стихи 29—80. „Милошъ Обилиѣтъ бѣше человекъ борецъ пресильный и премужественный и воинскихъ дѣлахъ искусенъ, аще и младъ, обаче во всѣхъ дѣлахъ и повелѣнїяхъ Лазарю бодръ и вѣренъ. Сего ради Лазарь даде ему дочь свою въ жену и сотвори его князя—и началовождя предъ всѣмъ воинствомъ, и сего ради узрока въ тайнѣ гнѣвашеся Вукъ на Лазаря и Милоша.“ Ср. ст. 100—110.

„Вукъ же немогій иначе отмастити Милошу, но начать у Лазаря клеветати на Милоша, яко Милошъ съ Миланомъ и Иваномъ (Косанчичем) предатися хотять силамъ Амуратовымъ.“ Ср. ст. 111—116.

„Вечери же бѣвшей въ день суботній 14 мѣс. Іунїй, на трапезѣ великаго князя Лазаря, сосѣдѣющимъ всѣмъ княземъ и воеводамъ, и по многомъ разговорѣ, о измѣнникахъ царства . . . бѣ Лазарь на многъ часъ отъ печали сердца лежа на десницѣ главою молча при трапезѣ, та же вземъ чашу глаголетъ: „здравъ, сыне и воеводо мой Милоше, новая невѣро, са совѣтница твоими“. Разумѣвъ же Милошъ сіе быти отъ Вука, сѣдѣщаго при Лазарѣ, обаче воставъ поклонися кралоу, отвѣтствуетъ: „невѣра ти, цару, код колѣна сѣди, азъ же несамъ; и разъярився встаетъ отъ трапезы, глаголя: „заутра узриши, кто е вѣра, кто ли е невѣра, азъ бо желаю за тя умрѣти и Амурата царя убити“. И со словомъ отходитъ самъ отъ трапезы, ему же послѣдоваша Миланъ и Иванъ; и чрезъ всю ночь бѣша вкупѣ уготовляюще себе къ бою“. СРАВ. ст. 118—132. Рано утром на другой день „Милош со Миланомъ и Иваномъ сѣдоша на кони своя, отходятъ до обозовъ Амуратовыхъ и слово даша на караулѣ яко Милошъ идетъ къ царю; сія же вѣсть скоро Амурату доносится. Онъ же яко услыша пришествїе Милошево, скорѣ повелѣваетъ начальнымъ своимъ прїити, и съ честїю воведоша Милоша съ Миланомъ переводчикомъ къ царю; уповаше царь, что Милошъ пришелъ поддаться власти его или слово имѣти о подчиненїи всѣхъ Сербовъ. Пришедъ же Милошъ предъ Амурата, и приближився лобзати руку

ему извлекъ ножъ прободѣ царя^а. . . . Ср. ст. 134—146.

Вслѣд за сим Трѣношскій лѣтописецъ подробно, вѣроятно, на основаніи мѣстных, косовскихъ преданій, рассказываетъ о томъ, какъ Милошъ длго отбивался отъ Турокъ и наконецъ былъ взятъ ими.

Вторая бугаришtica косовскаго цикла рассказываетъ, только короче и съ меньшею живостію и увлекательностію, о томъ же, о чемъ пѣсни Карадж. II, N 45, 46, 47 и 49. В ней смѣшаны: битва Лазаря на Косовомъ полѣ и—Вукашина на Марицѣ и послѣднее событіе отнесено къ Лазарю:

„Царъ је с војскомъ паднуо на Марицу плаху рјеку“
Милошъ кричитъ Лазарю изъ турецко стона:

„Турке ти сам стјеро на Марицу плаху рјеку“.

Сравненіе этой бугариштики съ народными пѣснями и лѣтописнымъ рассказомъ относительно особенностей содержанія и языка убѣждаетъ въ литературномъ происхожденіи ея. Вліяніе средневѣковой рыцарской поэзіи ¹⁾ особенно ярко отразилось здѣсь въ клятвѣ Лазаря и Милоша:

Здрав си, зете Милошу, у моје и твоје здравле!
говоритъ Лазарь, обращаясь къ Милошу;

Тако теби Јединога, кој те је сатворио
И тако ти Данице твоје л’јепе вјеренице
И тако се тобом доста дичила и подносила
Немој мени невјеру на Косову учинити!

Милошъ отвѣчаетъ:

Здрав си, тасте Лазаре, у моје и твоје здравле!

.

А тако ми Јединога, кој ме је сатворио,
И тако ми Данице, моје младе вјеренице,
И тако се доста са мною дичила и подносила
Нећу теби издаје на Косову учинити!

Какъ неузнатьъ въ этихъ словахъ обыкновенныхъ рыцарскихъ обращеній къ Богу и „дамъ сердца“!!

На нашъ взглядъ, эта бугаришtica представляетъ собою первую попытку той работы, каковую принялъ на себя г. Павичъ.

¹⁾ Ср. Замѣтки по Сл. нар. поэзіи III.

Третья бугарштина — „Како Милош Драгилевић или Обиловић ранен на Косову и што нареди на концу од живота и поручи Вукосави љуби својој“ (Богачић N 2) — требует особаго разсмотрѣнія. Содержаніе ея таково: Прекрасной походкой пошла Милица, любя Лазарева, на Косово; шла и молила Бога, что бы ей не встрѣтить какого либо израненаго юнака:

Ер су мени, Милице, луте ране ледијале,
судба привела се к озеру крови. В крови она находит дороднаго юнака, спрашивает его, незнает ли он чого д. „за лијепу господу“. „Коју ми се господу у Косово от-правила“, спрашивает раненый. „Отправила я Лазаря и зятя Милоша“, отвѣчает Милица. — Ой Милица, Милица, Лазарева любя! недождаться тебѣ кого ты отправила. Уже ли ты не узнаеш Милоша Обилича? Когда то лице его было свѣтло „као цвијеће мјепделово“, а теперь потемнѣло от ран и болѣзни. *Я раненый убъжал с Косова поля.* Молю тебя, как тѣщу свою: опусти руки в мои шелковые карманы; там ты найдеш прекрасный шелковый платок, а в нем сто золотых дукатов (платок тот твоя дочка мнѣ выткала). Отдай ты дукаты своей дочери, а от меня передай ей „добраго здоровья“ и скажи: послал тебѣ Милош Обилович прощальный привѣт и рогатију (подарок, которым невѣста дарит жениха), а вмѣстѣ и шанку из верблюжьей шерсти, которую ты сама для него сдѣлала. Как жену свою, он просит тебя: коня его береги ты 8 дней во дворѣ, а послѣ пусти в зеленые луга и покрой до копыт чистым шолком. Какой пѣщій найдет его, пусть возьмет себѣ да молит за душу Милоша“. Хетѣ еще говорить, но уже душа с тѣлом разлучалась. Возвратилась Милица домой и передала своей дочери порученія Милоша, та исполнила его желанія.

В народном вариантѣ этой пѣсни говорится, что Милица испросила у Баязида позволеніе посмотреть косовское побоище. На полѣ она встрѣтила сначала косовскую дѣвушку, а потом слугу Видосава, который разсказал ей,

гдѣ кто погиб ¹⁾. В содержаніи обѣих пѣсен нѣтъ соотвѣтствія с тѣм, что говорят пѣсни Вука об этих лицах. По послѣдним, — Милица неотлучалась из Крушевца узнавать о ходѣ битвы, а к ней являлись Милутин и Владета воевода с извѣстіями; Милош не убѣгал с поля сраженія; другія пѣсни неговорят также ничего о его завѣщаніи женѣ. С одной стороны онѣ сближаются с Вуковыми п. — „Косовка дјевојка“ N 51 II и „Цар Лазар и царица Милица“ N 45; с другой — с бугариштицами о Секулѣ, относящимися ко второму кругу косовских пѣсен, воспѣвающих нѣкоторые эпизоды битвы с Турками Яна Гунади на Косовом в 1448 г.

В п. N 20, Богишич, „Кад се Секула Сестричић вјерио у краља Будимскога и кад је у Косову погинуо“, говоритея, как Секула напал на царскій шатер, как отраженный янычарами убѣгал „низ Косово равно поле“. Ослабѣвъ от ран он звал себѣ на помощь Янка воеводу; тот прибѣжал на зов, но только укорял его за неразумную отвагу „остави ме, мој дундо (двоюродн. брат), не убио те Бог велики! призови ко мнѣ слугу моего Радича; пусть он омоет мои раны“. На руках Радича и скончался Секула. Янко похоронил его и послал женѣ Секуловой такое письмо:

Нека ти на знане, сестро краља Будимскога,
Секула сам вјерио на Косову равну полу
На Косову равну полу Косовском младом дјевојком,
Колико је Секулу та дјевојка омиљела, —
Нећ га веће никада твојем очим невидјети;
А ти ми се удоми, за кога је теби драго.

Ср. с этим обыкновенные образы смерти козака в мрусск. поэзи:

Ой орлоньку соколоньку!
Лети в мою стороньку;
Дай же знати родиньци
И рідної матиньци.

¹⁾ Новакович, 149.

Но не кажи, що я вбитий
Але кажи, що я взятий:
Заслужив си в Хана дочку
В чистом полі могилочку.

Головацк. I 101.

Ой цять, мати, не журися
Вже ж бо твій син оженився:
Він взяв собі за жиночку
Зелену долиночку
Та крутую могилочку...
Візьми ж мати піску жменю,
Посій його на каменю
Коли ж отой пісок зіде
Тоді твій син з війська прийде.

Истор. п. мр. н. Антон. и Драг., I, 271.

В бугар. N 22 Богиш. „Мати Секула умирає на синовлем гробу у Косову“ — весьма схожей с пѣснями „Смрт мајке Југовића“ и „Погибно Југовића“ розказывається, как матъ Секулы, получив от Янка воеводы извѣстіе, что сын ея жив и построил себѣ „дворы“ на Косову, отправилась разыскивать его, приготовив „даре и колаче“. Но извѣстіе Янка имѣло цѣлю лиш успокоить матъ: оно было невѣрно. Вмѣсто дворов Секулы, старая Руда — так звали матъ — находит монастырь, а перед ним гроб, в котором похоронен ея сын. На гробъ сына „лижепа Руде с душом гријешном раздѣлила“.

Упоминаемый в пѣснях Янко воевода есть несомнѣнно знаменитый венгерец Ян Гуніади, котораго прославила между Сербами борьба с Турками. Относительно Секулы г. Безсонов говорит слѣд.: „не ошибемся, кажется, если выскажем смѣлое предположеніе, что это одно лицо с Петром Шекуларцем, помѣщаемом в перечнѣ героев Сербских в п. Вук III N 10 на утѣсистои Шекуларѣ“ ¹⁾. Что-то сомнительно такое отождествленіе. В нѣкоторых бугариштицах Секула прозывается *Драцулович*. Это названіе напоми-

¹⁾ Болгарск. пѣсни, 77.

нает *Дракула* воеводу Молдавскаго и Влахозаплавнинскаго, принимавшаго дѣятельное участіе в военных операціях Яна Гуниади и между прочим в походѣ Владислава и Яна Гуниади против Турок, кончившагося несчастной битвой под Варной в 1444 г. Спасшійся послѣ битвы Ян Гуниади убѣжал к этому Дракулу ¹⁾. Не имѣл ли какую нибудь связь этот Дракул с Секулой Драгуловичем, не беремся рѣшать; да и вообще затруднимся гадать о Секулѣ впредь до полученія болѣе вѣрных данных о том, кто скрывается в его образѣ. Мы хотим обратить вниманіе на то, что пѣсни второго косовскаго круга слагались под сильным вліяніем перваго и что образ Секулы во многих чертах напоминает Милоша Обилича. На Косовѣ Секула совершает такіе же подвиги, как и Милош. Когда вышла на Косово „Угорска геспода“ Секула стал говорить Янку: „я ударю на царскій шатер“. „Недѣлай этого“, отвѣчает тот: царя стерегут триста янычар. Секула непослушался, ударил на царскій шатер; но его встрѣтили Турки-янычары и изранили множеством стрѣлъ; будучи не в силах далѣе противиться врагам, он побѣжал от них по Косову. Силы скоро оставили его и он умер (Богинш., N 20, ст. 50—61). Ср. с этим, что говорится у Вука в н. „Кемади“ IV. Милош говорит Ивану Косанчичу, что он намѣрен пробраться к царскому шатру

Да закодем Турког цар Мурата

Да му станем ногом под гръоме.

Иван Косанчич отклоняет его от этого намѣренія:

Да дуд ти си, мио побратиме!

Ће је чадер силног цар Мурата

Усред Турког силна табора

Да ти имаи крила соколова

Пака да паднеш из неба ведрега

Иерје мяса не би измијело.

(ст. 38—43).

¹⁾ Раич, Исторія разн. словенск. народов, т. III, стр. 184, 185, 222 и пр.

Милош непослушался совѣта побратима и пал жертвой своей храбрости.

Трем друзьям косовской катастрофы 89 г. — Милошу Обиличу, Ивану Косанчичу и Милану Топличанину соответствуют в пѣснях второго круга Секула, Янко воевода и Михайло Свилович (т. е. Михаил Силадои, бывший комендантом Бѣлграда и плѣнившій Георгія Бранковича в 1457 г., он называется также Шилаги, Цилуго и Зилуг) ¹⁾.

„Стала говорить сестра короля будимскаго своему брату: „противно, брат мнѣ твое королевство; вот я уже не смѣю пойти в церковь помолиться Богу: три негодяя препинают мнѣ дорогу (притецају хурјата); сегодня один забѣжал вперед, другой снял платок, а третій поцѣловал“. Король попросил рассказать примѣты этих „хурјата“. Когда та описала их наружность, король сказал, что те не „хурјата“, а „Угрека господа“: Янко, Михайло Свилович и Секула. „Послѣдній поцѣловал потому, что просит твоей руки“. Еще не успѣли поговорить сестра и брат, во дворец вошли тѣ три витязя (Богш., N 20, ст. 1—14). За тѣм слѣдует сцена обрученія Секулы с королевой. В вариантѣ этой пѣсни (Богш., N 21) сестра короля Владислава дарит угорских витязей: Янка — саблей, Михайла Свиловича — щитом, а Секулу — буздоханом. Витязи отдали: Янко — золотым медальоном, Михайло — ожерельем из бисера (гри'на), а Секула — золотым перстнем. А еще проговорили: „моли Бога, что бы нам вернуться из Косова: другими дарами отдарим мы тебя“. Ср. с этим пѣсню Вук II, N 51 „Косовка дјевојка“.

Неможет быть сомнѣнія в том, что эти бугариштинны основаны на народных пѣснях, зашедших в Герцеговину и Далмацию из Сербіи. По ним отчасти можно видѣть, какими стѣсленными подверглись косовскія пѣсни в мѣстности, удаленной от центра событий. Ясно, что косовскія пѣсни второго круга, сложившіяся в сѣверной Сербіи, отразили на себѣ сильное вліяніе пѣсен перваго круга. С другой

¹⁾ Раич, Исторія разн. словенских народов, III.

стороны и послѣднія с теченіем времени приняли в себя нѣкоторые мотивы первых. Таким образом в приведенной выше бугариштицѣ о Милошѣ, смѣшаны вмѣстѣ черты Милоша Обилича и Секулы Драгуловича и составлен образ *Милоша Драгловича*.

VI.

Г. Павич отпосит к косовским пѣсням и пѣсню „Бановић Страхина“ Вук, II, 44. Он даже опредѣляет день, в который могло случиться разсказанное в ней событіе: *mislim dakle da je u kosovskoj velikoj pjesmi bilo ispunjeno ovakom epizodom ono vrijeme odnako se vojvode sa Lazarova sobeta razidoše pa do onda, kada se imahu opeta sakupiti u Kruševcu, da podju na Kosovo* (ср. 39). Описанные в пѣснѣ факты плохо отвѣчают событіям 1389 г. В пѣснѣ говорится, что Юг Богдан с сыновьями и Страхиной баном спокойно и безопасно пировали в то время, когда Турки вступили в Сербскія земли. Эта черта стоит в противорѣчии с косовскими пѣснями; там всѣ дѣйствуют. Исторія также ничего не говорит о том, что бы в войскѣ Мурата во время косовской битвы был кто либо, напоминающій пѣсеннаго „Влах-алижу“. Основательнѣе полагать, что эта пѣсня воспѣвает какой либо случай из нашествія Мурата на Сербію в 1386 г. и стало быть не относится к собственно косовским пѣсням. Сравненіе с историческими данными подтверждает это. Лазарь был плохо подготовлен к отпору Мурата. „Лазарь или невѣдая, или не страшася Турков всю тую зиму (1386 г.) в тишинѣ проведе, о войнѣ не старася“ ¹⁾. В критическую минуту он был оставлен всѣми: „Лазару же никто в помощь не прииде; кромѣ зета его Вука Пладича (Бранковича) и краля Босанскаго“ ²⁾. „Турчин Влах-алижа“ есть вѣроятно Али-паша, покорившій Турціи Болгарію и дѣй-

¹⁾ Раич, Исторія разн. словенск. народ., III, 26.

²⁾ Там же, стр. 29.

ствовавшій с своим корпусом в Сербіи в 1386 г. Замѣчательно, что в пѣснѣ ни разу неупоминается имя Мурата; он называется „Турски од Једрена царе“. Незадолго до 86 г. Сулейман завладѣлъ Адрианополем и Мурат, по смерти его занявшій Турецкій престол, от Адрианополя двинулся в Сербію. Стало быть, в період сложенія пѣсни имя *Мурата* было еще неизвѣстно Сербам. Это обстоятельство дает основаніе утверждать, что пѣсня „Бановић Страхица“ сложена до косовскаго боя, в період времени от 1386—89 г. Г. Павич свое мнѣніе основывает на слѣдующем извѣстіи Тронешскаго лѣтописца: „Тѣмъ Амуратъ разсудив правдивое отвѣтствованіе Лазаря (на письмо перваго), остановился въ поляхъ косовскихъ... жда пришествія Лазарева и неразоривъ ничего, развѣ дворовъ Неманскихъ веселыхъ на рѣцѣ *Породимли* и дворъ князя Милоша у Косову... и дворъ *Страхины на Топлицы* и дворъ князя Юга Богданова въ Лесковцѣ; прочая вся въ цѣлости соблюде, давъ острыя указы воинству да подданнымъ нетворятъ обиды“. „О разореніи дворовъ Страхины говорит и пѣсня „Бановић Страхица“ Вук, II, 44“ (стр. 40). Это правда; но пѣсня ничего неговорит о разореніи дворов Юга-Богдана; а затѣм по Трношскому лѣтописцу Мурат разорил двор Страхины на Топлицѣ; тогда как пѣсня говорит о разореніи *Баньской*, мѣстечка на р. того же имени, впадающей в Ибр, гдѣ жил Страхица.

VII.

Скажем нѣсколько слов об отношеніи косовскихъ пѣсен к пѣсням о Маркѣ Королевичѣ. Дѣятельность Марка Королевича принадлежит трем послѣдним четвертям XIV столѣтія. Год рожденія его с точностію неизвѣстен: „по пѣсням год рожденія его обозначается эпохою воеводства Вукашина в Скадрѣ на Боянѣ; при Душанѣ в послѣдніе его годы Марко представляется учеником попа Недѣлки и писарем при царѣ, слѣдовательно очень молодым ¹⁾. Год

¹⁾ Безсонов, Болгарск. п., стр. 38.

смерти Марка Королевича извѣстен документально. В лѣтописи „господь сръбскихъ“ о смерти Марка Королевича находим слѣдующее извѣстіе: въ лѣто 6903 (1395) Мирче воевода влашки разьби цара Баязита на Ровинахъ и погибѣ Марко Краљевиць и Костадинъ и Драгашъ. Октовірія 10 ¹⁾. Сречкович сомнѣвается в справедливости этого извѣстія, потому что Драгашъ еще раньше пошел в монахи и слѣдовательно немогъ участвовать в сраженіи ²⁾. Но в спискѣ лѣтописи, напечатанномъ Ягичемъ в приложеніи къ статьѣ *Ein Beitrag zur Serbischen Annalistik* тоже извѣстіе читаемъ такъ: „въ лѣто 6903 воеваше Тоурци на Влахе и краљъ Марко и Костадинъ погыбоше“ ³⁾. Такимъ образомъ годъ смерти Марка не подлежитъ сомнѣнію. Приведенное извѣстіе важно и в другомъ отношеніи: оно опредѣленно указываетъ мѣсто смерти Марка Королевича. В пѣснѣ „смерть Марка Краљевића“ Вукъ, II, N 74, говорится, что онъ умеръ на „Урвин-планинѣ“. Г. Безсоновъ предполагаетъ, что подъ этимъ именемъ разумѣется „Курбетска, Курбечка или Курвичка планина, лежащая на сѣверозападъ отъ Кюстендиля“ или „гора Буреносъ, названіе передѣланное Греками изъ *Урвин* черезъ формы — *Вурин, Вуриносъ и Буреносъ* ⁴⁾. *Урвин-планина* есть народная передѣлка слова *Ровины* (*Ruinae*), какъ называлась мѣстность за р. Дунаемъ в Валахиі, гдѣ происходила битва Волоховъ съ Турками в 1395 году. С этимъ согласуется одно преданіе, находящееся в Рѣчницѣ Караджича: „за смерть Марка Краљевића једни веле, да га је негдје у селу Ровинама убио некакавъ Каравлашки војвода Мирчета златномъ стріјеломъ у уста, кадъ су се Турци били съ Каравласима“ (подъ слов. М. Краљевић). Судя по времени, пѣсни о Маркѣ Королевичѣ должны были слагаться одновременно съ косовскими. Оба цикла слагались

¹⁾ Шафарик. *Památky dřevního písmennictví Jihošlovanských*. Praha 1873.

²⁾ Гласникъ српск. учен. друж., кн. X, стр. 283.

³⁾ Отдѣл. оттискъ изъ *Arch. f. Slav. Ph.*, стр. 94.

⁴⁾ Болгарск. пѣсн., стр. 35, 36.

первоначально совершенно независимо друг от друга, в разных мѣстностях: косовскія пѣсни в Рацин, пѣсни о Маркѣ Королевичѣ—в Македоніи. В Македоніи долго жила и дѣйствовал Вукашини краль и Марко Кралевич; Прилини—их главная резиденція; здѣсь и народились пѣсни о Маркѣ Королевичѣ. Мы не можем здѣсь входить в подробное изложеніе доказательств этой мысли; оставимся на нѣкоторых.

Вся первоначальная исторія Сербіи (до XIV в.) так темна, и так мало сдѣлано для ея разработки, что нам приходится по необходимости болѣе предполагать, чѣм утверждать. Юго-восточная граница Сербов и Болгар недостаточно опредѣлена. Но можно смѣло утверждать, что в Македоніи жили не одни Болгары, но и Сербы в довольно значительном числѣ ¹⁾ и что между сѣверным населеніем Старой Сербіи (включая в это понятіе и сѣверную часть Македоніи), группировавшемся около Нового Пазара, Крушевца и Призрена, — и южным, имѣвшим центральнѣйшій пункт в Прилипѣ, существовал антагонизм может быть такой же, какой существует напр. между Великороссами и Малороссами. Антагонизм этот усиливался еще болѣе от присутствія в Македоніи болгарскаго элемента. Довольно ясно он выразился во враждѣ правителей Рацин и Македоніи и главным образом в отношеніях Вукашина и Марка Королевича к Урошу послѣднему и Лазарю. Вукашини воспользовался слабостію Уроша и захватил престол Неманичей к сильному неудовольствію всего рацискаго населенія. В 1371 г. Вукашини воевал с Турками; помогал ему—только брат; прочіе сербскіе владетели были настроены враждебно. Поход Вукашина окончился несчастной битвой на Марникѣ, гдѣ погиб он сам и брат его Угльша. Турки явились в сербскія земли и страшно их разорили. Никто

¹⁾ В Этнографич. картѣ слав. народн., составленной Мирковичем и обработанной Риттихом, Сербскія поселенія обозначены в югозападной части Македоніи около Битоля Презбы и Охридскаго озера.

из сербских владык не пришел на помощь к Марку Королевичу; Лазарь даже воспользовался его стѣсненным положеніем и занял Ниш, Ново-брдо и Приштину; восточныя владѣнія заняли Турки. Будучи не в состояніи удержать и защитить все владѣнія своего отца, Марко заперся в Прилипѣ и здѣсь до самой Косовской битвы жил, не вмѣшиваясь во внутреннія дѣла Сербіи. В войнах Лазаря с Турками Марко держался того же самаго плана, какого— Лазарь в 1371 г. по отношенію к Вукашину: хотя он и не был в войскѣ Мурата, но вмѣстѣ с Балшею Зетским втайнѣ копал яму Лазарю.

В пѣснях, преданіях и лѣтописных замѣтках эта народная вражда сказала еще замѣтнѣе. Вукашин очерчен весьма мрачными красками. Правда, это был человекъ не симпатичный; но на много ли он отошел напр. „от благочестиваго краля Уроша (Милутина), ослѣпившаго возлюбленнаго сына своего Стефана“ или от Уроша третьяго (Дечанскаго), „который ненависть воздвиге на сына своего возлюбленнаго (Душана) и въ мѣсто любви великіе совершенную ненавистію возненавидѣ“¹⁾? Вукашин был человекъ своего времени и не будь вражды между Македонским и Рашским населеніем, его образ был бы представлен в ином свѣтѣ. Вукашину народ и послѣдующіе историки приписали убійство Уроша послѣдняго. Но недавно Илар. Руварац и Ковачевич, на основаніи тщательнаго сравненія источников, пришли к мнѣнію, что это чистѣйшій вымысел, что Урош умер послѣ смерти Вукашина; а народ, ненавидѣвшій Вукашина, навязал ему преступленіе цареубійства²⁾. Если бы мы имѣли мѣстныя, македонскія пѣсни и лѣтописныя замѣтки о Вукашинѣ, то в них, несомнѣнно, личность его небыла бы обрисована такими мрачными чертами. Враждебныя отношенія Вукашина к Марку также несомнѣнно преувеличены. О Маркѣ Королевичѣ еще в на-

¹⁾ Гильферд., III, 194.

²⁾ Статьи Рувараца и Ковачевича в сборн. Годишница Николе Чупића, III, 1879.

стоящее время в Сербіи рассказывают много нехорошаго; без сомнѣнія в XIV в. такихъ рассказовъ было больше и только позднѣйшая слава Марка, какъ пѣсеннаго героя, затмила многіе дурныя толки про него.

Если антагонизмъ между Расіей и Македоніей существовалъ, то пѣсни о Маркѣ Королевичѣ, симпатизирующія этому герою, немогли быть сложены народомъ, настроеннымъ къ нему враждебно; онѣ сложились в Македоніи. Мы убѣждены, что болѣе внимательное изученіе Сербской исторіи и текста пѣсенъ о Маркѣ, дастъ новыя и можетъ быть болѣе вѣскія доказательства этой мысли. Теперь мы сошлемся на пѣсню Вукъ, II, 38 „Марко Кралевић и вила“. Здѣсь рассказывается, что Марко и Милош ѣхали по Мироч-планинѣ; Марко задремалъ на конѣ и попросилъ Милоша спѣть пѣсню, чтобы разогнать сонъ. Милош сначала отказывался, потому что ему запретила пѣть вила; но потомъ согласился; *„а славную онъ пѣсню зачалъ отъ вѣтъ нашихъ лучшихъ и старшихъ, какъ кто держалъ кралевицу по честитой Македоніи, кака у кого задушбина. А Марку та пѣсня была мила...“* ст. 28—34. Если бы пѣсня эта слагалась в Сербіи, то чѣмъ бы можно было объяснить это упоминаніе о Македоніи и ея прежнихъ правителяхъ?! В этомъ уже заключается вѣроятность македонскаго происхожденія и другихъ пѣсенъ о Маркѣ. Этимъ предположеніемъ удобно объясняется и тотъ фактъ, что Марко — герой не только Сербскій но и Болгарскій. Сербы и Болгары, живя вмѣстѣ в Македоніи, находясь подъ властію однихъ правителей, равномерно участвовали в созданіи пѣсенъ о Маркѣ и потомъ передали ихъ своимъ соплеменникамъ в Сербіи и Болгаріи. В болѣе позднее время, в періодъ распространенія пѣсенъ по Сербіи, могло произойти приуроченіе Марка къ событіямъ сербской исторіи. Такъ, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ объяснить то, что в нѣкоторыхъ пѣсняхъ Марко представляется принимавшимъ участіе в Косовской битвѣ. Сюда напримѣръ принадлежитъ прекрасная пѣсня „Марко Кралевић и соко“ Вукъ, II, N 54, 55.

Таким образом в Сербском эпосѣ слѣдует различать два цикла пѣсен совершенно самостоятельных не только по сюжету, но и по мѣсту происхожденія. *Сѣверный* — Рашскій, Косовскій в тѣсном смыслѣ, в болѣе обширном — пѣсни о Неманичах, и *южный* — Македонскій — пѣсни о Маркѣ Королевичѣ.

VIII.

По своимъ художественнымъ достоинствамъ косовскія пѣсни занимаютъ видное мѣсто не только между народными произведеніями Сербовъ, но и прочихъ Славянъ. Роковой исходъ косовскаго событія настроилъ народную лиру на печальный ладъ: на пѣсняхъ лежитъ печать грусти глубокой, но не мрачной; не замѣтно в нихъ и отчаянія. Интересъ содержанія пѣсенъ заключается в изображеніи не самаго событія, а лицъ, принимавшихъ участіе в немъ. Какъ живые встаютъ передъ нами жертвы косовской трагедіи. Образы косовскихъ пѣсенъ художественно цѣльны, ясны и правдивы. По нимъ мы в состояніи живо представить себѣ состояніе Сербовъ в моментъ косовскаго событія. Интересна пѣсня „Царъ Лазаръ и царица Милица“, Вук II 45, в томъ отношеніи, что прекрасно рисуетъ царицу Милицу, Лазаря и тотъ духъ, который господствовалъ у Сербовъ, шедшихъ на поле битвы. Прежде всего Лазарь и Милица — обыкновенные смертные, а не герои, какъ это бываетъ в эпосѣ другихъ народовъ съ дѣйствующими лицами. Всѣ мужчины уходятъ на Косово; Милица, какъ женщина, боится остаться одна, безъ защитника; она проситъ Лазаря, сидя с нимъ за послѣдней вечерей, оставить ей когонибудь изъ слугъ для посылокъ и одного брата, Бошка Юговича. Лазарь соглашается оставить ей, кого она пожелаетъ. На другой день начало выступать изъ Крушевца войско; Милица поспѣшила къ городскимъ воротамъ и, когда увидѣла Бошка Юговича, стала просить его остаться с ней. „Воротись сестра в свой теремъ бѣлый,

отвѣтил ей брат; хоть бы царь отдавал мнѣ свой город Крушевац, я не воротился бы. Что тогда заговорит дружина?!

Где страшица Бошка Југовића!

Он несиједи поћи у Косово

За прет часни крви пролевати

И за своју вјеру умријети

и промчался с конем в ворота.

Это мѣсто много напоминает слѣд. в Илиадѣ Гомера. На прощбы Андромахи остаться в городѣ, Гектор отвѣчает:

. страшный
Стыд мнѣ пред каждым Троянцем и длинноодежной Троянкой,
Если как робкій останусь я здѣсь, удаляясь от боя.
Сердце то мнѣ запретит; научился я быть безстрашным
Храбро всегда меж Троянами первыми биться на битвах,
Доброй славы отцу и себѣ самому добывая.
Твердо я вѣдаю сам, убѣждаясь мыслью и сердцем:
Будет нѣкогда день и погибнет священная Троя
С нею погибнет Приам и народ копьеносца Приама.
Стало быть и Гектор, подобно косовским героям, невѣрил
в счастливое окончаніе борьбы.

За Бошкой проѣхали прочіе братья Југовичи и сам Юг-Богдан и ни один не рѣшился остаться с царицей. Измѣнили силы Милиці: без памяти она пала на холодный камень. В это время проѣзжал мимо и князь Лазарь. Увидѣл он царицу, заплакал горько; но не остался и он, а только приказал слугѣ Голубану взять царицу и отнести в терем. „Да неходи ты на Косово, а останься дома“, прибавил Лазарь. Отнес Голубан царицу в высокій терем, но не мог одолѣть сердца и неидти на бой; воротился, сѣл на коня и пустился прямо на Косово.

„Кад је сјутра јутро освануло“ прилетѣли с Косова два черных ворона и сѣли на терем князя Лазаря;

Један гракће, други проговара:

„Да л' је кула славног кнез-Лазара?

„Ил у кули нигђе никог нема?“

Вышла Милица „пред бијелу кулу“ и спросила воронов о судьбѣ войска пошедшаго на Косово.

Ворон-от вѣщая птица

(Онежск. был. Гильферд., 1276).

Налетал над шатѣр вѣща птица,
Вѣща птица да черный ворон,
Черный ворон сам покиркивал
И нерадошну вѣсточку сказывает.

(Рыбник. III 54).

Нерадостную вѣсть принесли и Милицѣ два врана-гаврана:

Ој Бога нам царице Милице!
Ми смо јутрос од Косова равна,
Виѣтели смо двије силне војске;
Војске се су јуче удариле,
Обава су цара погинула;
Од Турака нешто и остало,
А од Срба што је и остало,
Све ранено и искрвављено.

Еще они так говорили, к воротам подѣзжал слуга Милутин, правую руку держал он в лѣвой; у него на тѣлѣ семнадцать ран и конь весь облит кровью. Он рассказал Милицѣ грустную повѣсть битвы: всѣ легли начиная с Лазаря; остался только измѣнник Вук:

Проклет био и ко га родио!
Проклето му племе и колено!
Он издаде цара на Косову
И одведе дванаест илада,
Госпо моја, лутог оклопника.

Как много сказано в этих немногих, но высоко-художественных, образах о сильном поднятіи народнаго духа, о чрезвычайных потерях Сербов и о том потрясающем вліяніи, какое оказала на народ печальная развязка косовской драмы! С скорбью на сердцѣ, но без преувеличеній, Милутин рассказывает весь ход событія. Сербскіе гуслиры, подобно малорусским кобзарям, складали пѣсни „по былинам того времени, а не по замышленію Бояню“. Хорош

в пѣснѣ и кроткій, страдальческій образ Милицы, жены Лазаря, у которой, по выраженію хорватской пѣсни, при вѣсти о несчастіи на Косовѣ Бјеше јом се од жалости живе срце распукнуло — образ, нам знакомый по „Слову о П. Игор“, гдѣ напоминает его Ярославна „рано плачущая в Путивлѣ на забралѣ“. Как Милица, так и Ярославна могли сказать о себѣ то же, что говорит малорусская дѣвушка, проводившая своего жениха:

Потоптала черевики
На дорогу вибігаючи;
Виплакала карі очи
Чумаченька виглядаючи.

(Чубинск. Труд. Эксп. V 1033).

или:

Ты думаеш, моя мати, що я незаплачу?
За дрібними слезами я світа не бачу.
Ты думаеш, моя мати, що я нежурюся?
Як вийду я за ворота, од вітру валяюся.

(Тамже стр. 1029).

Сходный мотив со второй половиной этой пѣсни развивает и „Бошняци на Москову“ Вук III 88.

Полећела два врана-гаврана
Од Озије испод Московије,
Крвава им крила до рамена,
И крвави клуни до очију.

Прилетѣли в Загорье и сѣли на башню Бећир паши. Когда сѣли, оба закаркали; с бедер их крылья спустилися, слетали с них перья кровавыя, одно пало на окошко стекляное, вѣтер занес его в комнату Пашиницы. Вышла „када“ перед башню и стала спрашивать воронов о том, что с ея мужем, братом, сыном и другими родными и знакомыми, отправившимися в дальній поход „под Московію“, много ли они приобрѣли добычи и набрали рабов и рабынь Волошских и Московских? Все ли они живы и здоровы? Вороны отвѣтили, что дѣла Турок были очень успѣшны, они много достали разнаго добра; но дьявол попутал пашу идти далѣе на Русь.

А кад видла Московска кралица
По имену госпа Јелисавка
Под Турке је лагум поткопала,
И на лагум Турке намамила;
Кад лагуму живу ватру даде,
Одлетише под небеса Турци,
Трећи дан су из неба падали.

(ст. 91—97).

Мужа ея и сына поймали живыми; но Черноевич Сава у-
бил Бечир-пашу, отместив за прежнія притѣсненія и оби-
ды; хотѣл убитъ и сына Османа, но Москвичи недали, взя-
ли к себѣ, гдѣ он принял московскую вѣру.

Кад то чула Беѣир пашиница
А од јада црној земљи паде,
Доде паде, горе не устале

(ст. 147—до конца).

Для Беѣир пашиницы сообщенное воронами извѣстіе было
неожиданностию: она чаяла совершенно иного. Милица спра-
шивает робко, нерѣшительно у воронов:

Ој Бога вам два врана-гаврана!
Откуда сте јутрос полећели?
Нијесте ли од пола Косова?
Виђесте ли двије силне војске?
Јесу ли се војске удариле?
Чија ли је војска задобила?

(Вук II N 45, 131—136).

Она как будто ненадѣется услышать от воронов радостна-
го извѣстія: сердце-вѣщув; да она и немогла говорить
так, как гордая турчанка пашиница.

Обрацают на себя вниманіе заключительныя слова
пѣсни „Цар Лаз. и ц. Милица“: в них Вук Бранкович об-
виняется в измѣнѣ отечеству и предательствѣ. Таково дѣй-
ствительно мнѣніе народа; оно попало и в сербскія лѣто-
писи, а оттуда и в исторію. Медакович напр. называет
Вука „клеті грешник“. „Вук, он говорит, учинил измѣну,
рѣшил бой на Косовом; погубил царство Сербское; омра-
чил славу сербскую, а народ сербскій передал в лютое ту-

редкое рабство¹⁾. Так же смотрит на Вука и Сречкович. Безпристрастный взгляд на дело представляет неступок Вука в ином свѣтѣ. В древних лѣтописных замѣтках об измѣнѣ Вука вовсе неговорится. Одно лѣтописное сказаніе так говорит о причинѣ пораженія Лазаря: „*не вѣмь, что истинное рещи о семь, издан ли кымь отъ своего бысть храненияя, или паче суду Божию о семь събвишусе*“²⁾. Переводчик исторіи Михаила Дуки говорит, что первым обратился в бѣгство не Вук, а Владко Владіенович (Влатко Храпич) полководец короля Боснійскаго³⁾. Наконец в бугарштинѣ, описывающей ход всего сраженія, об измѣнѣ Вука говорится глухо, не ясно:

У то Турци приступише и на него ударише
И Лазара разбише, ни о чем не оставише;
Вук Бранковиѣ утече у планину у зелену,
А Лазара бијаху жива у руке ухитили⁴⁾.

Таким образом сомнительно, что Вук был измѣнником. Вѣроятно обвиненіе в измѣнѣ Вука сложилось позже, вследствие враждебных отношеній Вука к Милицѣ и сыновьям Лазаря⁵⁾. Населеніе Старой Сербіи, привязанное к Неманичам и всего болѣе к страдальцу Лазарю и Милицѣ, врагов послѣдней считало своими врагами и мстило им, предавая в своих созданіях из рода в род проклятію их имя. Здѣсь повторилось тоже самое, что мы предположили относительно Радича Захелмскаго. В Старой Сербіи хорошо помнили, что Босняки — главные виновники козовскаго пораженія; враждебное Вуку населеніе сдѣлало его носителем грѣха Босняков, как боснійскаго правителя (Травник). Это обвиненіе, кромѣ того, могло доставить народному сердцу, болѣвшему несчастіем, нѣкоторое утѣшеніе, что причиною пораженія была измѣна, а не соб-

¹⁾ Повѣстница српског нар. 1852 Нов-Сад III 12—13.

²⁾ Гильферд. III 190.

³⁾ Григорович „О Сербіи...“ стр. 46.

⁴⁾ Гильферд. III 190.

⁵⁾ Радич Истор. розн. Слов. нар. кн. VIII гл. VI.

ственная слабость. В п. „пропаст царства српскога“ говорится: Лазарь и Сербы с ним бывшіе

. . . . разгоне по Косову Турке
Не даду се ни гледати Турком
Да камо ли бојак бити с Турци;
Тад би Лаза надвладао Турке,
Бог убио Вука Бранковића!
Он издаде таста на Косову.

(Вук II N 46, 82—87).

„Видно, говорит Гильфердинг, в самой личности Вука Бранковича было что то несимпатичное и коварное, расположившее народ к ненависти против него; об его жизни мы почти незнаем ничего; но таков был дѣйствительно характер его сына, Юрія, правившаго Сербіей среди разных невзгод с 1427—1457 г.“ 1).

В пѣснѣ „Мусић Стеван“ представлен образ юнака, горячо преданнаго своему долгу, искренно желавшаго послужить отечеству, но опоздавшаго на бой. Художественно выражено в пѣснѣ стараніе Мусича непременно к сроку поспѣть „на рочиште честитоме кнезу“; но особенно прекрасно изображено отчаяніе героя, когда он узнал от козовской дѣвушки, что уже все кончено, что Лазарь погиб:

Удари се по колену руком,
Чисти скерлет на колену пуче,
Златна копча на десном рукаву.
„Тешко мени и до Бога мога!
На мени је останула клетва
Од мојега честитога кнеза“.

Сколько силы и чувства в этих словах. В отчаяніи он бросается на непріятеля, уже недумая о своем спасеніи и геройски падает. Тронушекъ ѣтой. говорит: Радич „яко услыша побіеніе Сербское вкупѣ со кралемъ отъ жалости и горести сердца *неразсуденъ* самъ себе мачемъ проболѣ“¹⁾. Народ также счел безразсудным, несогласным с идеей юнака безсильное самоубійство и заставил Мусича Стевана

¹⁾ Гильферд. III 184.

пасть в пылу битвы. В этой же пѣснѣ нарисован симпатичный женскій образ — жены Мусича. Ночью она видѣла сон, зловѣщій для любимаго мужа. Она хотѣла бы сама передать мужу содержаніе сна и просить его остаться и не ѣздить на Косово; но суровый обычай запрещает женѣ высказывать свои чувства мужу в присутствіи посторонних лиц; сама же войти в спальню мужа она нехочет: боится нарушить его сон. Тѣ просьбы, которыя нужно бы высказать мужу, она передает слугѣ Милутину; закликает его Богом и Святым Јованом небудить господина... Но и он неумолим. Образ жены Мусича похож на образ Миллицы. Вообще женскіе образы косовских пѣсен чрезвычайно симпатичны. Юнаки—люди, привязанные к своему долгу, ищущіе подвигов молодецких, стремящіеся на Косово —

За крст часни крвцу пролевати

И за вјеру с браћом умријети.

В женских образах на первом планѣ — сердце, чувство. Мушны ушли на Косово; большинство их там пало; „мертвѣи срама не имуть“; но слѣдствія пораженія главным образом отражаются на беззащитных матерях, женах, дѣтях... К тяжести положенія присоединяется печаль по милым существам, погибшим „на кровавой нивѣ“. Эта послѣдняя черта прелестно выражена в пѣснях: „косовка дјевојка“ и „смрт мајке Југовића“ (Вук II N 51 и 48).

Рано утром в воскресенье вышла на Косово косовская дѣвушка. На плечах у ней был бѣлый хлѣб, в руках она несла два сосуда—один с студеной водой, другой с червонным вином. Шла по Косову полю и переворачивала юнаков; если находила живаго, умывала водой, поила вином и кормила хлѣбом; — образ много напоминает черногорских женщин, исполнявших в минувшую войну обязанности санитаров. Случайно напала она на Орловича Павла, царскаго знаменосца. Юнак был тяжело ранен и лежал без памяти. Когда она привела его в чувство, он заговорил: „сестра дорогая, косовская дѣвушка! что за неволя тебѣ ворочать в крови юнаков? на побоищѣ кого ты

ищени—брата, или братучеда (двоуродн. брат) или старина отна?“ Косовская дѣвушка отвѣтила, что она не родных ищет. Когда Лазарь приобщал воёско в церкви Грачаницѣ, вмѣстѣ приобщались и три сербских воеводы — Милош Обилич, Иван Косанчич и Милан Топличанин. В то время как они выходили из церкви, она стояла у дверей. Замѣтили ее воеводы и подарили ей на память: Милош — „чоласту задију“ Иван Косанчич — „бурму позлаћену“, а Милан — „копрену од злата“. Всѣ три просили ее молить Бога, чтобы им воротиться домой в добром здоровьи, хотя и невѣрили в возможность этого; первые два еще прибавили, что они возьмут ее за Милана своего побратима и будут один—кумом, другой—деверем на свадьбѣ, а Милан сказал:

„Моли Бога, душо моја драга,
Да ти с' здраво из табора вратим,
Тебе, душо, добра срећа нађе
Узећу те за верну лубовцу“.

Подобно этому в малорус. пѣснѣ:

Ой поїхав чумаченько	Не плач, не плач дівчинонька,
Битими шляхами	Не вдавайся в тугу:
Заплакала дівчинонька	Я дає Бог назад вернуся
Дрібними слѣзами	В-осени сватати буду.

(Рудченко, Чумац. п. 202).

Орлович Павел отвѣтил дѣвущкѣ, что всѣ три витязя погибли; а она напрасно марает в крови рукава и полы: до них ей трудно добраться—

Видиш, душо, она копла бојна
Понајвиша и понајгушћа,
Онде ј' пала крвца од јунака
Та добре ко ну до стремена
А јунаку до свилена паса,
Онде су ти сва три погинула . . .

Горько заплакала несчастная невѣста, услышав такія рѣчи,
Она оде свом бијелу двору,
Кукајући из бијела грла:
„Јао јадна! уде ти сам среће!

„Да се, јадна, за зелен бор натим,
„И он би се зелен засушио“.

Печаль сушит; печаль косовской дѣвушки так сильна, что если бы она схратилась за зеленое дерево, оно бы засохло. В молорусской поэзи то же чувство выражается сильнѣе и живѣе: сила малорусскаго образа заключается в сравненіи:

Та лежить, лежить козаченько на той бік Самари,
Та взяли, взяли козаченька сіренькими волоньками,
Та нім дівчина вбивалась дрібненькими слізюньками.
Та взяли, взяли козаченька, як білую купку,
За ним дівчина вбивалась, як сива голубка.

(Чубинск. V 940).

Косовская дѣвушка выпла на Косово отыскать своего жениха, деверя и кума, помочь им, если живы, или оплакать. Сходный мотив встрѣчается между прочим в п. „Женидба Плетикосе Павла“ Вук III 74. Кажется „Косовка дјевојка“ предполагает приблизительно то же, о чем там рѣчь в ст. 75—130. Сваты ведут дѣвушку в дом ея жениха; она предупреждает их, как бы ненапал Плетикоса Павел и неотнял ея: он семь лѣт добивался руки ея, но мать отказала; с горя ушел он в гайдуки и теперь разбойничает на Кунар-планинѣ. Сваты стали было ее успокаивать, но тут грянули ружья с горы,—все сваты пали, осталась одна невѣста. К ней подбѣжал Павел Плетикоса и увел с собою в горы. Съел пить вино Павел; дѣвушка ему прислуживает, но сама грустит и плачет. Когда Павел спросил ее о причинѣ печали, дѣвушка отвѣтила, что она жалѣет об оставленных на дорогѣ шелковых дарах, которые она должна была бы раздѣлить между новыми своими сватами. Павел позволил ей пойти туда, гдѣ лежали побитые его дружиной сваты. Но дѣвушка обманула Павла: не за дарами она пришла на побоище. Когда отыскала дары шелковые, стала ходить от мертвеца к мертвецу и дарить их: всякаго свата покрывала шелковой сорочкою, а голову дорогим платком. Но когда напала на любезнаго деверя, так оплакала его:

„О ѣвере, мој злаћен прстене!

Скоро ти ми на прсту бијаше,
Скоро бјеше, па некуд отиде!
Што ли си се на ме налутио,
Те м' неводиш за бијелу руку,
Да дворимо кићене сватове?"

Молчит голова мертвая. Заплакала дѣвушка, покрыла его серебряной рубашкой, а золотым платком его голову. Опять пошла от мертвеца к мертвецу; нашла милаго кума (отца посаженаго); цѣлует его „у скут и у руку“ и так говорит:

„Ао куме! моје жарко сунце!
Добро ти ме бјеше огријало
Па ми опет за горицу зађе!
А што си се на ме налутио,
Те не држиш в'јенце и обоце,
Те невјенчаш твоју милу куму?"

Когда отыскала жениха, нашла его всего в крови, извлекла его из крови, отерла его шолковым полотенцем; цѣлует его меж черных очей и так говорит осиротѣвшая невѣста:

„А давори! да мој господару!
Ја што си се на ме налутио?
Чарне оче, што ме негледате?
Б'јеле руке, што ме не грлите?
Медне уста, што ме не лубите?
Што ли сте се на ме налутила?"

Но молчит голова мертвая. Сильно взвизгнула дѣвушка, визгнула, как змѣя лютая; покрыла жениха золотой рубашкой, а голову — золотым платком, вынула его нож из за пояса, ударила себя в сердце . . . , пала возлѣ него за-
мертво. Ср. с эт. болгарск. п. Doz. N 34.

Вѣроятно автор „Слова о п. Игореѣ“ знал пѣсню развивавшую тот же мотив, что и в приведенных: Ярославна говорит: „полечю зегъзицею по Дунаеву, омочю бобринъ рукавъ в Каялѣ рѣцѣ, утру князю крѣвавыя него (Игоря) раны на жестоцѣмь него тѣлѣ“.

В грандіозном, высоко-художественном образѣ матери

Юговичей выражена мысль, что „в мірѣ существуютъ только одни

Святѣя искреннія слезы;
То слезы бѣдныхъ матерей:
Имъ не забыть своихъ дѣтей,

Погибшихъ на кровавой нивѣ... (Некрасов)

что тільки в світі і правди, що рідная мати“ (пословица). В русской народной пѣснѣ — гдѣ мать плачетъ по убитомъ сынѣ, там рѣка прошла; в Финской Калевалѣ мать утопившейся красавицы Айно такъ плачетъ по дочери, что „из слез ея образовалось три ручья, которые в свою очередь превратились в три потока. В каждом из этихъ потоковъ возникло три водопада, в каждом водопадѣ — три скалы, на каждой скалѣ находился зеленѣющій холм, посреди котораго росли три цвѣтущихъ березы, а на каждой березѣ сидѣли три кукушки, которыя начали куковать. Одна из них куковала „любовь, любовь“, другая „жених, жених“, а третья „радость, радость“. Первая из них куковала в теченіи трехъ мѣсяцевъ молодой дѣвѣ, которая покоилась на днѣ морскомъ и не знала, что такое любовь. Вторая куковала шесть мѣсяцевъ жениху, котораго покинула невѣста. Третья же всю жизнь куковала бѣдной матери, которой суждено было не знать болѣе радостей и до самой могилы скорбѣть о погибшей дочери“¹⁾. Печаль матери Юговичей такъ сильна, что она не можетъ выразить ее слезами; образъ смѣрти ея только показываетъ, что терпѣло ея сердце. По полученіи извѣстія о гибели войска на Косовомъ, мать Юговичей взмолилась Богу, чтобы онъ далъ ей крылья лебеда и очи сокола: полетѣла бы она на Косово, посмотрѣла бы Юга Богдана и девяти сыновъ. Богъ исполнилъ ея просьбу. Прилетѣла Юговичка на Косово; нашла мертвыхъ сыновей и мужа; в головахъ ихъ стояли боевыя копыя, на копьяхъ сидѣли соколы, к копьямъ были привязаны кони; у ногъ ихъ были лютые псы. Какъ только завидѣли мать Юговичей, — заржали девять коней, залаяли девять псовъ,

¹⁾ Калевала. Перев. Гранстрема стр. 26.

заклектали девять соколов, но мать тверда была сердцем: не пустила из глаз ни одной слезы. Взяла коней, собак и соколов и отправилась домой. Когда воротилась ко двору, завидѣли ее дѣвять невесток—

Закукало девет удовница,
Заплакало девет сиротица,
Завриштало девет добри кома,
Залајало девет лутн лава,
Закликтало девет сокола;
И ту мајка тврда срца била,
Да од срца сузе непустила.

Ночью заржал конь Дамьянов; пугает мать жену Дамьяна: „что то ржет конь Дамьянов? не голоден ли он, не хочет ли пить?“ Та отвѣчает, что он привык до полночи ѣсть корм, а от полночи ѣздить с Дамьяном; теперь он грустит о своем господинѣ... И это воспоминаніе о сынѣ не вырвало слезы из сердца матери. На другой день, когда настало утро — летять два ворона, кровавыя крылья у них до плечь, несут они руку юнака, на рукѣ перстень дорогой, бросают ее на колѣни матери. Взяла руку мать, узнала, чья она и позвала жену Дамьяна. „Сноха моя! узнаеш ли, чья это рука?“ — Свекровь милая! мать Дамьяна! это рука нашего Дамьяна; вот и перстень, которым я с ним обручалась“. Далѣе терпѣть мать Юговичей была не в состояніи: сердце невынесло нравственной муки.

Узе мајка руку Дамјанову,
Окретала, превртала с моме,
Пак је руци тијо бесједила:
„Моја руко, зелена јабуко!
„Гдје си растла, гдје л' си устргнута!
„А растла си на криоцу моме
„Устргнута на Косову равном!“
„Мало слов, а горя рѣченька бездонная!“
Надула се Југовића мајка,
Надула се, па се и распаде
За својије девет Југовића
И десетим стар-Југом Богданом.

Нужно удивляться наблюдательности и силѣ таланта народнаго пѣвца, создавшаго такой художественный образ. В пѣснѣ видно глубокое пониманіе явленій духовной жизни человѣка. Как искусно поставлены один за другим факты, приведшіе мать Юговичей к трагическому концу. Каждый из послѣдующих сильнѣе предыдущаго должен был затрогивать больное сердце матери, напоминая ей о тѣх, кого отняло у ней Косово поле. Пѣсня, приводя факты, оставляет их без всякаго толкованія; она предоставляет слушателю самому догадаться о том адѣ страданій, какой бушевал в груди матери и только указывая, что Юговичка недюжинная личность, замѣчает:

И ту мајка тврда срца била
Да от срца сузе непустила.

В этом заключается достоинство этой пѣсни, как художественнаго произведенія. Художник творит образы; толковать их не его дѣло. Чѣм выше талант, тѣм яснѣе, прозрачнѣе образы, тѣм доступнѣе пониманію; а образы, выставленные в разбираемой пѣснѣ таковы, что говорят сами за себя и без всяких толкованій открывают для слушателя внутренній мір горемычной старухи—матери.

Мотивы сербской пѣсни не чужды и малорусской поэзіи. Мать иногда присутствует при гробѣ сына: чумак умирает в дорогѣ; он просит товарищей дать знать матери:

Та нехай иде на Вкраину
А свого сина ховати.
Та его ненька як зачула
Сю минуту прилинула.

Чубинск. V 1302.

Но чаще ей приносит печальную вѣсть сивый орел или сокол: мать отпустила сына „в великую дороженьку,—

А в неділю рано, ще до скоду сонця
Плаче, плаче бідна вдова, сидючи в оконця.
Плаче ж вона, плаче, тяженько вздыхає;
Летить сивий орел, а вона и питає:
—Ой ти, орел сивокрилий, високо літаєш!
—Ой чи часто мого сина у вічі відаєш?

„Ой чи часто, чи не часто, таки ёго бачу:
 „На чуб, на чуб наступаю, очи колупаю!“
 Ой вдарилась бідна вдова об поли руками
 „Сини ж мої коханні, пропала я з вами!“

Чубинск. V 888.

Летів ворон з чужих сторон	Ему ворон чорнокрилий
Тай жалібно кряче,	Головку обіскає,
Стоїт мати на порозі	Головочку обіскає
Тай за сином плаче.	Біле тіло роздзюбує,
— „Ти, вороне чорнокрилий,	Кровцю розливає . . .
Ти світом літаєш:	Кости мої, кости,
Ци ти много много сина	Молодої зрости!
На війні видаєш?	Пожаль же се, милий Боже,
— „Тай видаю, коло гаю	Мої молодости.
Коня попасає;	

(Локачевск. Сборник пѣс. Буковинск. нар. N 344).

Образ извѣщенія родствеников убитого посредством принесенія орлом или вороном руки (правой) с перстнем пользується довольно широким распространеніем в слав. нар. поэзии и судя по тому началом восходит к отдаленной древности:

В болгарск. пѣснѣ (Миладин. N 140) Стоян ранен, изнемог; над ним вьются орлы „милые братья“. Стоян их молит:

Три орли, брате да ми сте	<i>На е во уста земете,</i>
Подвигнете ся понагоре,	<i>Заран љ свѣта недѣля,</i>
До де ми душа излезе,	<i>Рада ще рано да рани</i>
Па тогава паднете,	<i>Рада двора да помете</i>
Бѣло ся месо наѣште,	<i>Ржка-та да ми земете,</i>
Черни ся вжрви напійте;	<i>Пжрстена да ми познае.</i>
<i>Десна ми ржка не пите.</i>	

Ср. также Миладин. N 245.

В малорус. пѣснѣ, Чуб. V 957, с этим мотивом связан другой:

Ой у городі да й у Батурі
 Та билась орда три дни й три години,

Та на четвертому стала повертати,
Козацького трупу та й конем незїзжати.
Ой до того трупу став орел налітати,
Ой з того трупу виніс орел козацьку руку, —

Конечно вынес затѣм, чтоб нести к матери или женѣ уби-
таго; но пѣсня переходит к иному мотиву:

Та й почав орел руку клювати,
Почала рука к орлу промовляти:
Не клюй мене, орле сизоврилий . . .

(варіант составлен из трех мотивов: 1—9; 10—16; 17—
до конца).

Полнѣе и лучше тот же мотив развит в великорус.
пѣснѣ „князь Роман жену терял“ (Кирша Данилов, изд.
3-е, стр. 256):

А князь Роман жену терял
Жену терял, он тѣло терзал,
Тѣло терзал, во рѣку бросал,
Во ту ли рѣку во Смородину.
Слеталися птицы разныя
Сбѣгалися звѣри дубравые;
Откуль взялся млад сизой орел
Унес он рученьку бѣлую,
А праву руку с золотым перстнем.

Когда же молодая княжна вышла в сад искать свою мать
„с няньками с мамками“, то

. . . в зеленом саду увидѣли
Увидѣли новую диковинку;
Ни отколь взялся млад сизой орел,
В когтях несет руку бѣлую,
А и бѣлу руку с золотым перстнем,
Уронил он орел бѣлу руку
Бѣлу руку с золотым перстнем
Во тот ли зеленой сад.
А втапорѣ мамушки нянюшки
Подхватили они рученьку бѣлую
Подавали они молодой княжнѣ.

Узнала княжна чья рука:

Ударилась об сыру землю,
Как бѣлая лебедушка скрикнула.

Приказала нянькам, мамкам бѣжать к рѣкѣ Смородинѣ собрать кости княгини. Тѣ исполнили ея приказаніе и похоронили „кости и ребрушки“,

Хоронили они и пугу голову
И ту бѣлу руку с золотым перстнем.

Малорусскій образ „матуси старесенькой“, „неньці ріднесенькой“ по своим художественным достоинствам ни в чем неуступает сербскому. Основная черта этого образа — безавѣтная привязанность матери к своим дѣтям и глубокая сердечная скорбь при потерѣ их. Вообще, чумацкія и козацкія малорусскія пѣсни по своим мотивам близки к косовским: сходныя жизненныя условія произвели сходныя явленія, выразившіяся в поэзіи в сходных образах. Племенное родство и наслѣдство, несомнѣнно, имѣли значеніе при этом.

Величественный образ мужественной страдальицы — матери Юговичей позже был значительно идеализован. В пѣснѣ, записанной г. Юкичем „погибио Југовића“ в матери Юговичей представлен образ женщины, горячо преданной родинѣ и долгу, ставящей интересы отечества выше собственных привязанностей. Свою скорбь о потерѣ сыновей она умѣряет сознанием важности того дѣла, защищая которое они пали. Прибыв на Косово и нашедши там дѣтей, она

..... дјецу л'јепо изгрлила
И опрала сузам од образа:
Дјецо моја! девет Југовића,
Изгинусте млади на Косову.
*Ја не жалим, што сте изгинули
Бранећ земљу од душманске руке,
Племе своје ви сте осветлили!*

Воротилась домой Юговичка, с плачем встрѣтили ее невѣстки. Она так их утѣщает:

Не лудујте, моје невјестице!
Богу хвала на негову дару,
Па их млада ни родила нјесам,
Да ми леже на меку душеку,
Већ да бране земљу од душмана.
Не плачите, моје кћерце драге!
Аж и јесу одлетели ждрали,
Остали су птићи ждраловићи
Хранит ћемо птице ждраловиће,
Наше племе ногинути неће,
Наша двори остат' пусти неће!
(Pavič Nar. p. o b. na Kos. 107—110).

Так утђшала сења сам народ в тяжелойя времена ту
рецакаго господства, вепоминая о своих сынах, погибших
и погибавших в борбѣ за свободу родного края.

IX.

О значеніи сербскихъ эпическихъ пѣсенъ для исторіи
Сербовъ много было говорено какъ нашими, такъ и иностран-
ными изслѣдователями. Намъ приходится ограничиться лишь
нѣсколькими замѣчаніями. В то время какъ у другихъ Сла-
вянъ — Лужичан, Чехов, Словаков, Болгаръ и пр. идея воз-
рожденія зародилась впервые в кабинетахъ ученых, вышла
на свѣтъ из архивной пыли, — у Сербовъ она постоянно жи-
ла в народной массѣ. „Сербы ни на минуту не теряли, какъ
то случилось с Болгарами, 'сознанія своей народности, го-
ворит Голубинскій, и чтобы стряхнуть чужеземное иго,
имъ неужно было напередъ еще трудиться надъ воссозданіемъ
изъ самихъ себя имѣвшаго бороться с игомъ цѣльнаго наро-
да“¹⁾. Сербы неуждались в „Показальць“ или „Ведѣ
Славянъ“: у нихъ была своя ходячая исторія — в лицѣ гу-
сляровъ. Ни одинъ Сербъ не могъ сказать о себѣ того, что го-

¹⁾ Голубинскій. Исторія православ. церкви, 177.

ворит болгарин Пансій, автор книги „Исторія славенобългарская о народах и о царѣх и святыхъ българскихъ, и о всѣхъ дѣяніяхъ българскихъ“: „по мало снѣдаше ме ревность и жалость по рода своего болгарскаго, зашто не имѣять исторія заедно совокупена за преславная дѣянія испервая времена рода нашего и святыхъ и царій. Тако и укара-ху нас многожди Сербіе и Греци, зашто неемеяме своя исторія“ ¹⁾. Каждый Серб с дѣтства слышалъ преданія о томъ, что было когда то царство Сербокое, былъ царь Лазарь, Степанъ сильный и др., но все погигло на Косовомъ ²⁾. Косово-поле становилось центромъ воспоминаній печальныхъ и радостныхъ; пѣсни о немъ живо интересовали всѣхъ. Путешественникъ по Сербіи такъ описываетъ то впечатлѣніе и вліяніе, какое оказываютъ на Сербовъ ихъ эпическія и преимущественно косовскія пѣсни: „в одной механѣ собралось до 100 человекъ, всѣ пьютъ ѣдят, ведутъ шумную бесѣду; изъ нихъ два-три человекъ затягиваютъ пѣсню, но пѣсня неидетъ; приходитъ гайдаш (гайда — в родѣ волынки), его угощаютъ виномъ, онъ наигриваетъ, публика вторитъ ему, тут же изъ публики кто то оказался с гуслой. Вытащилъ онъ ее, закрипѣлъ на ней однообразно скрипучую ноту и все насторожилось. Запѣлъ онъ про сербскихъ юнаковъ, про царя Лазаря, про Косовскую битву и все замерло, только и слышенъ стонущій голосъ пѣвца, да в антрактахъ нетерпѣливо реущій звукъ гусли“ ³⁾. Это вліяніе зависитъ сколько отъ интереса содержанія пѣсенъ, много говорящаго народному сердцу, столько и отъ поэтическихъ красотъ ихъ. Должно быть, не одна Сербка тяжело вздохнула, слыша трогаящій разсказъ о горемычной матери Юговичей, страдалицѣ Милицѣ и др.; вѣроятно не для одного Сербка образъ Милоша Обилича по-

¹⁾ Пыпин и Спасов. Истор. Слав. литер. I, 106.

²⁾ Ровинскій. Воспоминанія изъ путеш. по Сербіи В. Евр. 75. Декабрь.

³⁾ Ровинскій. Воспоминанія изъ путеш. по Сербіи. Вѣст. Евр. 75. Декабрь, 718—19.

служил идеалом в борьбѣ с Турками. Недаром Черногорцы избрали лик Милоша символом храбрости ¹⁾). Прав был Гильфердинг, сказав, что эпическій образ косовскаго побойща есть живое сокровище сербскаго народа, один из существенных фактов его духовной и нравственной жизни!

У Болгар до сих пор хранится воспоминаніе о существовавших на югѣ братствах или школах народных пѣвцов. По сообщенію М. С. Дринова слѣпцы Разложскіе, Битольскіе и Бальдовскіе извѣстны как бандуристы. О них между прочим рассказывают то же, что в Малороссіи о них: будто они похищают дѣтей и калѣчат их.

¹⁾ Гильферд. III 199.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Стр.	Напечатано:	Должно быть:
12	23 св.	винé	винó
18	9 св.	поля,	поля:
23	16 —	<i>три</i>	<i>три</i>
32	12 св.	турецко слова	турецкаго стана
38	11 —	однако	однако
—	19 —	говорит	говорит
—	30 —	верінде;	непрінде
44	9-10 —	нетолько между на- родными произве- деніями	между народными произведеніями не только
—	18 —	мы в состояніи	можно
45	8 —	и промчался	сказал и промчался
51	11 —	неумолим.	неумолим (стр. стр. 19—20).
—	18 —	большинство	много
53	15 св.	с горы	из лѣсу

1/4 с. 1/2
О СЕРВСКИХ

A Russ
2167

НАРОДНЫХ ПЪСНЯХ

КОСОВСКАГО ЦИКЛА.

М. ХАЛАНСКАГО.

Отдѣльный оттиск из „Русскаго Филологическаго Вѣстника“.

Цѣна 50 коп.

ВАРШАВА.

В ТИПОГРАФІИ М. ЗЕМКЕВИЧА И В. НОАКОВСКАГО.

Краковское-Предмѣстье, N 415 (15).

1883.

ОБЪ ИЗДАНИИ
РУССКАГО ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ВЪСТНИКА

въ 1883 году.

Подписка на 1883 г. (5-ый годъ изданія) открыта.

Цѣна семь рублей (7) съ пересылкою. Иногородные подписчики благоволятъ высылать свои затребованія на журналъ и подписную за него плату по слѣдующему адресу:

Варшава. Въ Редакцію Русскаго Филологическаго Вѣстника.

Русскій Филологическій Вѣстникъ выходитъ четыре раза въ годъ (въ неопредѣленные сроки) книжками (NN) отъ 10 до 15 листовъ каждая. [Двѣ книги (два NN) составляютъ томъ]. Общее число листовъ годоваго изданія до 50.

Предметы журнала: языкъ, народная поэзія и древняя литература славянскихъ племенъ, преимущественно русскаго народа.

Отдѣлы:

I. Матеріалы:

II. Изслѣдованія и замѣтки.

III. Критика, библиографія, научная хроника.

Къ каждому N журнала будетъ, сверхъ того, прибавляемо нѣсколько листовъ (IV) Педагогическаго отдѣла, въ который войдутъ:

a) Статьи о преподаваніи русскаго языка и словесности въ учебныхъ заведеніяхъ, по преимуществу среднихъ;

b) Критика учебниковъ по этимъ предметамъ;

в) Пробные листы новыхъ учебниковъ по языку и словесности.

г) Разныя извѣстія и замѣтки, имѣющія отношеніе къ преподаванію языка и словесности.

Редакторъ-издатель А. И. Смирновъ.

